

СМЕНА

журнал рабочей молодежи

1926

№ 7

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

БЕСЕДЫ ВРАЧА

Н. Болезнову (Севастополь). — Над «Дружбой с морем» советует тебе еще поработать, в на-
чальных и заключительных строфах литературно неряшлив: «Моро-
штормом наплевать», также уточни
сингапурские, во-первых строфы: «Если море рассердишись...» (в на-
издаконской фразе) и во-вторых:

«...вспаринки прижимается...
моря кочуют зашутить» (здесь
вильное было бы: «...и я захоч-
ется заснуть»), но это требует
перестройки стиха.

А. Панчиши и (Кронштадт). — Стихотворение «Вечер в Кронштадт-
ске Гавани» — на лицо последователь-
ное ухищрение от начала к концу.
Ты еще кое-как начал, но кончи-
ло плохо. Бесконечно повторяется
слов: то там, тоже, только, туда,
никуда. Все это признак небрежного
стихотворения. Стихия изобра-
зительной ценности стихотворения
ходит на нет. Озабочьтесь о своем
литературном самообразовании.

И. Афасьеву (Орехово-Зуево). — Указать недостатки стихотворения трудно, потому что оно плохо, неумело написано в целом. Не думай, что только стихами можешь быть полезен миру. Протянь
в № 3 «С ми и» за 1926 г. — наше
обращение! «К корреспондентам».

А. Куприянову (Свердловск). — Очень
использовал Ты выражение «весько-
ко скромно и без меткого изображения характерных сторон
такого случая, мало убеждает читателя.
Вернее будет говорить об отказе от художества не просто под
влиянием любви, а о том, как эта
любовь завершила надлом, дала
решающий толчок. А то, ведь, и
любовь бывает разной.

В. Макарову (Москва). — Роман «Секретарь Укома» напечатан в журнале «Пионер». Ты взял уже известный галстук письма
и по нему постарался лишь восстано-
вить нити событий. Заметка в газете
может дать пользу и на написание
целого романа, но когда художник
делает свое, когда факт пред-
полагает данные для интересной и
сложной истории или психологии
но просто пересказывает узко по-
нятное по заметке — едва ли необходимо.
Читается без интереса. Где учился?
Чему же ты изъясняешь с районным
кругом? Учиться же и попробо-
вать писать следует.

Н. Невесому (Серпухов). — Стихотворение слишком растянуто. Тема в нем, как-тох, рыхлая, не-
уловимая. Так, знаешь, тянуть
от весны до осени с мотыльками и
любью скучновато. Что говорит,
например, такая строфа:

«Я бродил по лугам, по ромашкам,
Я и блыстал во цвете лет.

Незнакомая с и з о ю деревне Маша
Задорна, я и блыстал...»

В. Никитину (Симферополь). — Пи-
шите вы еще очень слабо. Замаскил
первого стихотворения интересен,
но, чтобы это не было ходульно и не
напоминало нравоучительного ино-
сказания, необходимо больше изо-
бразительной тонастости; второе стихотворе-
ние — нет — импонирует — авторитет —
все выходят за пределы
минимальных художественных тре-
бований.

Н. Маркевичу (Симирполь). —
Очерк очень беглый. Скорее пере-
числены окружающие явления, а не
изображены. В очерке, нужно давать
живое лицо местности, людей и пр.
От простого же обозначения явле-
ний впечатления не получится. На-
печатать не сможем.

Н. Б. (Севастополь). — Поста-
раемся напечатать. Писать следу-
т: Я и с в у. (Москва). — Очевид-
но, исправлено.

П. Д. (Киев). — В стихотворении
есть отдельные недостатки, напри-
мер, — полный набор истрепанных
слов: «выпавший угар», «беспечного
разврата», «задорожит прогнившей
Европы», но большое достоинство
его, что, обращаясь к эпохе «ком-
муны», вы позабыли узнать истори-
ческий колорит, связав его
с общими образами и не ограничи-
вшись общностью, как это
сложночно часто делают в родного
рода «юбилейных» стихотворениях.
Напечатать сдача сможем, но по-
стараемся. Ко дню годовщины они
опоздали.

«В о л и н о м у». (ст. Нижне-
удинск). — Стихи твои пока очень
слабы. «Больного» ты присыпаешь
иторично, в нем очень плохо повторе-
ния: больной, больной, больной.
Этот недостаток не усиливает впечатле-
ния. Приведи же всегда учи, читай
больше литературы.

Е. Бородину (Владивосток). —
О нападении тебе думать еще
очень рано — стихи слабы. Отмечу
совершенно неправильные выраже-
ния: «пролаженный дорогу», «уже
погоря с еспиментализм оставить
тут», можно было бы еще сказать
с и м е н т а л и с т и с т о в и с и
Броско закрыт, нужно добывать
материалы на литературном от-
делении этнологического факультета
1 Моск. Уч-та стипендии сейчас —
около 25 рублей.

В. И. Петровичу (г. Константи-
новка). — Постараемся напечатать.
Брио (Брянск). — Переписали в
журнал «Красноармеец».

Д. Дарья в в. (Рязанская). — Стихи
и очерк напечатать не сможем.

ОТДЕЛЬНО ЛИЧНЫЙ ПИСЬМО

А. Папилиону (Ессентуки), В. Ор-
лову (Свердловск), А. Савицкому (Санкт-
Петербург), И. Сагайдаку (Север-
ный Крым), А. Претт (г. Мерид. А. Смо-
трапинский (Архангельск), М. Яроцкому
(Майкоп), Н. Токареву (Владиво-
сток), М. Борбовой (ст. Лопасня),
В. Васильевскому (Уфа), С. Борзен-
ко (Харьков), В. Ерофееву (Борисог-
лебинск), М. Моженю (Корostenь),
Н. Рукову (Ростов/Дону), Л. Лит-
вак (Ленинград), К. Ранинину (Сим-
ферополь), П. Дацhevskому (Киев),
Г. Гвидонской (Сталитград), М. Ал-
тайскому (Усть-Каменогорск), Г. Аль-
ександровскому (Северо-Ачинск), Л. Кру-
чинину (Северо-Ачинск), Ф. Бондаренко-
ву (Алексеевка), Н. Луганской
(Усть-Лаба).

НЕ ПОЙДЕТ

**Б. Ш. (Астрахань), Н. Исавееву
(Гомель), П. Конон (Старица), И. Ка-
таеву (Тверь), М. Решетникову
(с. Уни), М. Хариной, В. Ковалеву
(Ростов/Дону), Овсянникову
(Киев), В. Богомолову (Умань),
В. Пивоварову (Владиславск),**

БЕСЕДЫ ВРАЧА

Прив.-доц. Н. М. МЕЛИК-ПАШАЕВ

**1. Москва. Трубная. Ай-
дрейкин**

«Отчего бывает бессонница
и как от нее избавиться»

Чаше всего бессонница развивается у истерических и нервных больных; временная бессонница может быть обусловлена отыгенением желудка и перенесеннымением захватывающим или возбуджающим состоянием. д. Борбиг с бессонницей познакомил нас тем лечением основной болезни (истерия — непрестанность); необходимо гигиенически регулировать образ жизни, воспитрить умственные занятия вечером, но есть перед сном по крайней мере час для 4—5, — рано ложиться, совершая прогулки или компактную гимнастику и вообще быть на воздухе и заниматься физкультурой.

II. Ему же

«Каковы причины появле-
ния бородавок и способ их
лечения»

Бородавки встречаются чаще всего
на кожистых руках и пальцах, на лице
и других частях тела. Причина по-
явления бородавок точно не установ-
лена.

Хорошо действует присыпывание
углекислого снега, и значительно
проще и доступнее смазывание ра-

створом салициловой и молочной
кислоты в колодкунске.

Хорошо действует электролиз (лече-
ние электричеством и рентгеном).

III. Саратов. С. Усачеву

«Как избавиться от желти-
зны зубов и дурного запаха
в роте»

Желтизна зубов чаще всего вызы-
вается крашением, а также нигели-
ческим содержанием зубов. Необ-
ходимо обратиться к врачу для спе-
циальной очистки зубных коронок;
а также бросить курить. Дурной зап-
ах на рту обусловлен чаще всего
гигиеническими зубами или
гигиеническими застремающими
зубами. Излечение достигается частым
мытьем зубов, особенно перед сном,
а также лечением всей полости рта
(зубы и десны).

IV. Ему же

«Отчего бывают угря и как
от них избавиться»

Угря вызываются внедрением в
специальные язвы особого возбудителя
так называемой «угревой» железы.
При лечении — необходимо вскрыть
и извлечь возбудителя при помощи
особого инструмента. После
операции необходимо прополоскать ли-
цо бензином, мыть лицо горячей
водой с мылом.

ЮРИДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

(Вопросы и ответы по социальному
страхованию)

**1. В. Имеет ли право каждый
гражданин во время безработицы
на пособие?**

О. Имеет, но не каждый, а только
тот, у кого имеется стаж работы по
найму до наступления безработицы.

2. Б. Какой же необходим стаж?

О. Для рабочих — член профсоюза
и член профсоюзного коллектива;

Для служащих член профсоюза
— 3-5 лет; стаж для служащих профсоюза —
5-летний стаж.

3. В. Как исчисляется этот стаж?

О. Стаж должен быть непрерыв-
ным и неподведомственным предшествую-
щем наступлению безработицы. Пе-
рерывы могут быть только уважи-
тельный, временные или без раз-
врежений, заверен удостоверениями
амбулаторий или врачей. Кон-
тракты с фирмами, с фирмами
о регистрации на них. Стаж должен
неподведомственным предшествовать на-
ступлению безработицы и получить по-
собие, это означает, что вышеу-
казаный стаж должен быть в пре-
мени прекращения работы.

**4. В. Для получения пособия
по безработице необходимо иметь без-
работного помимо стажа?**

О. Регистрация на Бирже Труда
в 3-мес. срок со дня прекращения
работы.

**5. В. Были ли категории безрабо-
тических должников иметь вышеуказ-
анный стаж?**

О. Нет, не все. Для следующих
категорий, имеющих хотя бы незна-
чительный стаж, делается исключе-
ние:

1. Погородок до 18 лет.

2. Квалифицированные рабочие (в спор-
тивных случаях со страховой надо
предоставить справку из профсоюза).

3. Демобилизованные.

4. Окончившие и получившие спе-
циальное образование (сюда относят-
ся оконч. школы ФЗУ).

5. Инвалиды-увещники труда или
войны 4, 5 и 6 групп.

**6. В. С какого времени назы-
вается пособие по безработице?**

О. С даты подачи заявления
на прием в Биржу Труда, если
заявление подано в биржу безработи-
цы. Это необходимо иметь в виду
каждому безработному. Это необходимо иметь
в виду каждому безработному, т. к.
многие полагают, что пособие вы-
дается со дня прекращения работы.

**А. Карпову (Вятка), А. Есавееву
(Миллерово), В. Б. Л. (без обозн.
адреса), д. Голланду (Казань),
Д. Гризных (Свердловск), А. Ваги-
на (Москва), М. Шаблони (Ленин-
град), А. Аметгину (Харьков),**

В. Устинову (Иваново-Вознесенск),
А. Эрлану (Новороссийск), Н. Дери-
глазову (Бухара), Г. Ясицу (Костро-
ма), Н. Чоппу (Харьков), В. Нику-
никову (Зимогорье), П. Звоникову
(Серпухов).

СОДЕРЖАНИЕ:

Н. ОГНЕВ — Пашинин любови. **Д. ФУРМАНОВ** — Взятие Уфы (из книги «Чапаев»). **Б. ВЛАДИМИРОВ** — Память Д. Фурманова, ЛИНЧ — Почему их чуждаются. **Л. КОЛБЕНСКИЙ** — Лично и общественное. **Б. ВЛАДИМИРОВ** — Рабочий подросток в литературе. **Н. ПОЛОП-СЕВЕРЯК** — У нефтяных вышек. **О БЫТЕ** (аптека «Смены»). **ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ**. **Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ** — Силы юности. **Б. ГРОМОВ** — Советские спортсмены за границей. **Р. РОМАН** — Губительная вспышка. **(Подзатыльник)**.

Иллюстрации: **В. ЕФАНОВА, П. СТАРОНОСОВА, В. СУТБЕВА, К. УРБЕТИС**.

Снимки: **З. ЧЕБОТАЕВА, АЗНЕФТИ** и др.

Обложка работы **В. ДОБРОКОЛОНСКОГО**.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, угол Черкасского переулка, д. № 6/7. Тел. 1-89-13

Рукописи принимаются, написанные на машинке или четко от руки на одной стороне листа.

СМЕНА

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

ИЗДАНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
изд-во «МОЛОДАЯ Гвардия»

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1926 ГОД

На 1 год	24 ном	4 руб. 10 коп.
• 6 мес	12	2 • 20 •
• 3	6	1 • 15 •
• Отдельный №	2	1 • 25 •

Подписку принимает Отдел Периодических Изданий Издательства «Молодая Гвардия».

Москва, Новая площадь, д. № 6/7.

АПРЕЛЬ

1926 г.

ПАШКИНЫ ЛЮБОВИ¹⁾

Н. ОГНЕВ

Иллюстрации
В. ЕФАНОВА

вые люди... А
Пашка насекре-
бет две строч-
ки, а дальше—
амба.

Зато у Паш-
ки есть секрет.
Он—как в ку-
лаке пальцев.
А в секрете
нетъ, действи-
е Оно и действи-
вие—то богат-
ство. Другое дей-
ствие—новая наука.
Третий палец—победа над всем
миром, что простирается из первых двух. Так-с. Четвертая
следовательность—это Паш-
кина слава, утверждение Пашки на
весь мир, как безусловного,
волнового человека. А пятное дей-
ствие—это Маруська. Вот вся сладость секрета.

Человек, владеющий таким секретом, несо-
мненно, разбегается, а разбегается можно пригласить Любому-манихинистку и ей книгу продиктовать.

Диктовать книгу легче, чем сказать самому.

И вот—стремитель, спрятанный, чисто-русский, раскинутое осенним лесу Пашка Бородин взмахнул кулаком, не угрожая, конечно, а показывая, вот, в этом кулаке—секрет! и все, что в нем, связано с лесом, со светло-коричневыми стволами сосен, с запахом прелой осенины листья—

также, как сам Пашка, связанны с фабрикой, с комсомолом, а через комсомол—со всем миром.

Лесу ветер замолк, умчался, пропал. Стало кругом сосны, тиши, мох, тайга. Должно быть, человек раньше рождался так же, как деревья и грибы, в лесу—это потому, что в лесу себя всякий чувствует как дома. И тогда у всех людей был одинаковый лесной язык. И вот, тоже хорошо: это лесной, тихий, таинственный разговор—простой, потому—поймут его все—не нужно стоять на языке, не нужно быть германским, да индейским языками, и жизни людей станет проста, мудра и радостна, как рост леса... как захвачен опять.

Так бесконечен... стремителен и размазист, был напор мыслей, ч-то Пашка жарким лбом своим и не замечал крепчайших... ч-то инныхней, — а они рвались, об него по-осеннему, с натугой, со звоном: великанскими смычками влямывались в густыни заросли осинника, влезали на ступинами в болотины так, что грязь мелкими брызгами залепила весь зад пиджака,— словом—песнь насызва. И только где-то в глухих задворках своих памяти отмечала знакомые метины красные кресты на дверях и сломанные сучья: по ним шла путь к Пашкиному секрету, замыкавшему в себе темный тайник.

И, если-б не раздался внезапно, по лесу ладонь, переличайтический девичий смех, Пашка так и не догадалась бы, что кроме него в лесу есть еще люди. Но смех раздался, Пашкино сердце екнуло, упало куда-то вниз и замерло: прежде всего, девчата смеются таким манером: только тогда, когда по близости парни; а потому... потому, мне сомнения, смеялся Маруська Голубина.

Все огромное Пашкино чело сжалось, со-
гнулось в дугу, пришло к большущей, сухо-
ватой елке: неужели, неужели это—Маруська?
Так с кем же она, с кем? И, вправду, между
деревьями замелькал синий платок, розовая
майка: ее наряд. Она! Она! И с ней в обнимку—

— Она... И с ней в обнимку Пашки приятель Сергея Меньшов. Идут и целуются! Ах ты...

Пашкин приятель Серега Меньшов. Идут и целуются. Ах ты...

Значит, опять прозвал! Всю весну, все лето посмотрив на девчину, не знал, как подойти, думал: ее, как цвет-резеду, надо беречь, да и слова-то, чтобы сказать, нужны особые—тайные, не Пашкины лошадины, а темные-невидимые слова, в словах-то вся заковыска была в словах. Пашка, конечно, знает пасхальное, застреляла, как лопата в кирпичах...

Эх, чорт! Прозвался все лето с садом, да с секретом—и прозвал! Маруська видел только собраниях. А Серега в этот время...

Этот же самый Серега и учил Пашку: — Емеля! тебе приглянулась девочка, подойди, и скажи. Не жалеши! — и удовлетворяя мою физическую потребность? И ехали... эта девчина идеологически не прогнала, — обвязана узлы! — твоего. Иначе ее можно назвать мешанкой и смотреть с презрением>.

Но Пашка так и не может. Это все равно что собираешь в себе все соки и силы земельных захватов цвет-резеду посадить в убюре: зависят в уборной цвет-резеду. Не может так Пашка! Другие тут нужны слова...

Розовая майка и Серегин куртка перестали мелькать между деревьями. Голоса замерли, перестали звучать уши.

— Что же? Бежать гнаться за ними, раскроинять Серегину морду?—так глухо, настырио, беспокойно стучало-спиралло внутри... — Это зачем? Зачем? — отвечал обыкновенный рассудительный Пашка, — ты ведь, сознательный, чо-о-орт...

Значит, опять, опять прозвал! В прошлом году была Надька, и не успел Пашка с ней поговорить, уже поговорил Капустин. Теперь они живут вместе, а Пашка все без притыка, один да один с дурацким своим секретом... Эх-ха!

ВСЕМ СЕКРЕТАМ СЕКРЕТ

Хорошо написать книгу. В этой книге должно быть все, про всю жизнь земли. Кто что растет где что рождается, почему нет пальм, а есть крапива, и что чернозем, про сушки, и про подчищенные воды; и чтобы каждый огородник и каждый крестьянин развернув эту, тракт, такую Пашкину книгу—сказал бы: «

Теперь все известно:

И тогда из земли на место бузины, полезли бы пальмы вышину с колокольчиком, сквирла и морковь стоял...» бы пожалиться на такой же манер, как в Китае рис: два раза в году и величественный арабеск: цветы-пионы развернулись бы с подсолнечником, а любимый Пашкин цвет, розеда, и так и стоя бы здоровыми метлами по краям дорог, и потому этого самой резеды не стал бы рвать, потому—много и стебель крепки: все пушки и ракеты, ракеты и ракеты...

Головокружительно сказал:

Что-то ты, Пашка, все портками трясешь? Тебе надо заняться нужной! Из себя ты великанс, значит нужен твой сильные выход. Воздышься, вот, said устроил! Чтобы были и клумбы и цветы: все на яблы! Простое дело: я сам раньше садовников был.

Пашка взялся весной за лопату, развел клумбы и цветы на удивление всей фабрики, и охвяти в тех пор Пашку великий беспокой: так бывает со всяким, кто впервые познает вкус, запах и силу земли. В будении этого беспокоя было задумана землянина книга.

— Да-а-а напиши, напиши, по-пробуй!—взвыл ветер настручу, из-под гор, — Маруська первая засмеет... и эххх... Вот дурак Пашка!

Верно. Пашка говорить не умеет. Запиняется на каждом шагу, словно лопата в кирпичах и туда же книга. Книги пишут умные, только

¹⁾ Этюд к повести «Знак Сатурна».

Пашка поднял ладонь, вытереть пот с лица, и тут только он почутил боль: оказалось, что угорялся он лбом в острый лесной сук, да так и стоял все время. Взял злость, потом жалость к себе... Что тут стоять, да царапать лоб.

Тропнулся было к тайнику, но круто повернулся, и медленно, вполе, побежал обратно, к фабрике. Чорт с ним, с секретом...

Вышел в поле, долго шатался по буграм и косогорам, не обращая внимания на вихорные визмы ветра; в ветре уже не слышно было слов и песен. Хотелось забыть про Маруську, — мало ли девчат на фабрике. Для этого на злo стал думать про «Земляную книгу», нет, не думалось: лежала в голову Маруська, ее смех, ее разговор... —Дурак, дурак Пашка, —унуло звено ветер в уши.

О ВТЯГИВАНИИ В РАБОТУ НЕСОЗНАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В ВИДЕ СТАРОВЕРЧЕСКОЙ ПЛОТНИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ СВОИМИ СИЛАМИ

ЮРКИЕ, баловные пионеры оклеветывались в клубе с утра до ночи. С двух часов, после первой смены, заявлялись комсомольцы, склоняли верхнее, —начиналась беготня, суетня, скакотня в трусишках через колбасу и на параллельных брусьях. К вечеру же клуб вообще наполнялся народом: молодежь постарше искала себе притыкку в кружках, на собраниях, у радиорупора. Старые и молодые женщины осторожно и медленно ходили по клубу, прислушиваясь, взглядываясь, выбирая в себя вместе с воздухом новые слова выражения, дух

новой жизни. Солидные бородачи уже приспособились: в большинстве уверенно проходили в читальную и заставляли за щашками или «Рабочей Газетой» до ночи.

Оследое население клуба это время не показывалось: состояло оно из старой глухой уборщицы Капитоновны, которая, устав к вечеру, лежала до поздней ночи у себя на койке, — и еще из черных тараканов.

Про тараканов говорили, что они остались от фабриканта. Пока фабрика стояла, и в бывшем фабрикантовом доме помещалась продовольственный склад, они расплодились в количестве невероятном и, казалось, неистребимом. Тщетно уборщица Капитоновна мазала ceiling какой-то невероятной мазью из серы и зеленого мыла, направо фельнером попытала все полы мышьяком и беспукою в каждом номере стенной газеты писалось под боевыми псевдонимами: «Смерть черной армии! тараканы фабриканта!», «Смерть черной армии! тараканы фабриканта!». Самих опасными врагами тараканов оказались комсомольцы и пионеры. Достаточно было любому из них увидеть таракана, как парень устремлялся на врага с криком: «Фофайт!» — и беспощадно давил его. За последнее время тараканы стали осторожнее и только изредка высказывали какой-нибудь шансальный из них и при общем смехе подвергались «фофайту».

На очередное собрание комсомола Головастик опоздал и явился только к третьему вопросу.

Маруська Голубина решила выйти замуж из комсомола. Замуж было выйти легко, потому что с Сергеем Меньшевым все было решено, только расписываться Серега не хотел, и решили «этап». Из комсомола оказалось выйти труднее. Яблочинский бровь сказал: — Что ты, Маруська, Рафиком командовать не дали, это что тебе шефствовать! Да что ты понапихивать других, то раньше командишу строить! Брось, Головастик, брася, брася!

Маруська ходила жаловаться в райком. В райкоме секретарь смерил Маруську глазами, строго отстукал голосом:

— Насильно никто не имеет права дергать. Хочешь выходить — выходи. С подлинной Маруськой вышла на рабочую, девчата стала бузить:

— Эй, Маруська, муку порткни зашивайла, чтоль? Почему утром не была?

Маруська показала чин: — На ячейке подпортили.

И потоговорила... Ее спросили почему. А она: Духу не хватило, не могу больше работать. Как хотите, не буду.

Заквока так и взмыла:

— Это мы и будем с ней тут табака расстабаринять! У нас еще вопрос сколько, а мы перед ней на коленках стоять будем, упрашивай! Она види нос от плотника — вороти!

При公社оша Головастикову.

«Чтой-то вы ребята, ни красы от вас ни радости! Пожоже, — один ключик все гайки отвинчиваете! Ко всякому делу нужен свой подход. Вот Маруська пришла к вам в комсомол, как ребенок в незнакомое место идет. Ребенку кажется, что дают много, а получают мало».

А ему там замешали звуколадис — порцию кастрюльного масла. «Голубиной нужно поступить, как с ребенком: не шоколадку дать, конечно, а развесину. Можжег она не из комсомола желает выйти, а только с нашей ячейкой не сработала...»

— Фофайт! — заорал в углу Головастик и слепленный таракан.

Но Голубина уперлась:

— Нет, из комсомола желаю выйти. Если комсомольцы придаются, что замуж в шестнадцать лет нельзя, то с комсомолом и не замуж, и на дежурствах два раза не была...

Заквока началла шубу рвать:

— Это мы и будем с тобой... Да исключите ко всем синим, как идеологически прогнившим элементом!! Но как она нам шутят... шумятся синими...

Заквока осадила председатель, Головастик, чтобы онять заступиться, но Голубина обинчила, что ей все равно: сама уйдет, или искать. Тут ее единогласно постановили исключить.

По пятому вопросу выступил докладчик Капустин:

— Есть у них там дед такой — нуу, — ворде полрядка, что ли. Они его называют водитель. Так вот, что этот водитель скажет, то и делают. Об религии и слушать не хотят. Если приверещь? — Скажешь: ни во что, — так они не верят. «Нет, ты, говорит, скуку молнича». — Как это я скуку молнича? — А кто же ты, говорит, как сукомолец?

Вздохнул друйский залли хохота, Капустин оглядел компанию, красные платки, кепки на затылках...

Какому же это я скуку молнича? Отвечают: — «А вот, который красной трапицы помечает, над воротами у вас висит. Он у вас заместо иконки... Поди, поговори с ним. А богоявление — звать Кара-Марла, и усы у него крашеные, и ему повсеместно велено каменных идолов ставить, и тех идолов крестьянской кровью поить...»

— Ну так вот, — заключил Капустин — так оставлять нельзя. Они, староверцы эти, еще только с месяц работают, потом уильут в свои леса, а ячейки —позор: ничего не сумела сделать за пол лето. Однажды из антирелигиозного пропагандиста из Нижнего Тагила, с архангелом какой-то со стороны стороны. Попыталась с ними общ... язык. И я, и Афанасьев, с ними поговорили, и ничего не выходит ребята. А кроме того, водитель этот еще ихний. Нас теперь считают за антирелигиозных, от нас толку —шиш с маслом.

Вот тут и взвился Головастик, ребята начали драчиться с веселым добронравством...

— И опять все не то! И опять от вас ни красы ни радости, ребята! И опять тем же ключом новую гайду! Черт! Нуужно wissen увязку, а не припринять с готовой. Кой это вас чиркот дернул выезжать с антирелигиозностью. Абректи вы все, я вам скажу...

— А как же раньше-то, Головастик? — —запнувшись в рядах.

Раньше, позже, мало, драки!.. Надо понять, что в работе ничего вечного, затвердевшего быть не может. И это Капустин приходит, что и Капустин трясет портками, а ему, конечно, в ответ что бора и пропори! Хорошо еще, что по шее не наломали. Право, черт! Я сам раньше плотником был, знаю...

— Но что же нам со староверцами-то делать? — спросил Капустин.

— Что делать — что делать?! Погоди, вот управляешь с делами — сам за них примчимся...

— А пока ты будешь управляться, они снимутся... и улянутся к корту на кульчики... ядовитые твари Капустин.

Подползли мне слова, — сказала, встав с места, Ганка Чик. Была это высокая тихая девушка. Болтал ребята, что еще в 1921 году случилось с ней что-то некорочее, с тех пор глаза у нее словно остановились, стали невидящими; кто-то тогда же выпил ей передние зубы, в осталом —ничего: стала хорошей работницей по созуу. И все так же и знали: если Ганька возьмется, то не отступит до конца.

— Я пойду к староверцам, — внятно произнесла Ганька, и как всем показалось, что вопрос был решен, то ребята, вяло и нестройно запевая «Молодую Гвардию», стали подниматься с мест.

Вот фофайт, так фофайт! — радостно крикнул кто-то в углу, и оттуда раздался явственный треск. Головастик сорвался с места и полетел в райком.

Вечерние улицы были безлюдны. Уныло тускльки одиночные фонари окраины. Час был поздний, и Головастик чрезвычайно удивился, с размахом налетев на Пашку Брычева.

— Ты что же это, сс-у, на сорбани ячейки не бил?

— Я... слушь-ка... — как всегда, нескладно и непонятно заговорил Пашка. — Я... вот какая вещь...

И тотчас — все откуда-то из-за бараков вылетел ураганом Пашка Брычев, выхватил торбы из рук водителя и заркнул: — Вы... слушь-ка, не браться!

— Да в чем дело-то? Говори короче!

— Я вот что хотел тебе сказать...

— Ну, что же, что?

— А вот, слушай же... У меня есть одно дельное... так, секрет один... это видно самим земли... разработка тут есть... одна мешка...

— Эх, хватит! Это тебе надо, тогда и говорю. А сейчас мне даже и некогда: у меня собираются гости! Ты вот что, Пашка: шалыни без дела, портками все тряпички — отправлялся бы к староверам. Загин им про землю, про всякую там огородную овощь, они это любят, я знаю, я сам старовером был. Завтра и отправляйся: воскресенье!

И умчался куда-то в темные провалы осенних лесов.

— Да не подходит мне это — какой из меня оракул! — хотел было Пашка отчаянно крикнуть ему вслед, но кричать было уже некому.

БОЙ С КЕРЖЕНСКИМИ МЕДВЕДЯМИ

ВЕЛИКА и дремучая Русь, молодая республика. Откуда-то из глухих керженских лесов, из краекстых, наскрепко переплетенных дубовых и сосновых глубин, пришли заросшие до самых очей дубовые люди; пришли с головами, с пилами, с рубанками, с распилями — пришли они плотничать, строить рабочий поселок, новые дома для пригородных пролетариев; такие приходили и они, и отцы их, и предки их, и лето строить дачи, а каждую зиму — снимальись и исчезали в этих краях, в этих краях лесов, и никому не было из них дела: а на этот раз, должно быть потому, что привезли они с собой юных, неопытных сыновей, их приход понят был, как повод для нового брожения некого организующего начала — бородильного молодого грибка. И можно было подумать, что вылезли они из-под своих омшелых керженских пней в какую-то новую утраченную, обозрившую страну с ужающимся быстротой движения и недоступной силой мысли: если бы рядом с фабричными пригородами не стояла по прежнему по сутлинике Сыра Андриановна, если бы также и она, с ощущением чуть поплоше — Микуль Селивановна — не молотила рожь и овес из бараек и не вела зерно предгостям Адамова инструмента — лопаты... И — пока заводили молодой грибок по их именно поводу — новое боечное брожение, обросли керженские жители бараком, квасом, супромукой... истово и добровольно взились за топоры, наметили остро-верхих глаголей и принялись ставить срубы.

ВОСЬМУЮ плотницкому обиходе водитель Курчевых править начал. Разведка, изображая артель из закамских энтузиастов, бодро высматривала из окон пустынными письмами, а самое главное — мог обходиться с городскими. Городские с хитростью, а Курчевых — с умом. Городские с хитростью, а Курчевых — с умом. Городские с машинами, а Курчевых — с топором не уступят — края. В темном быту деревни такие былиают снохами, слышили за колодунов, правят миром, как своим хозяйством.

О подъезде сели обедать. Стряпуха собрала на стол, сама стала сидеть, через плотницкие дубовые плечи ухватывала ложкой хары. Митя Хамия опозданием, сел к столу, когда Курчевых поступал ложкой об чашку: — Таскайте с мясом... — Хамия сказал:

— Дорога пришла...

— Кока эта девка? — строго спросил, жуя, Курчевых.

— Лопинь парня приходили, а ионе девка. Баская.

— А что ей нужно до нас?

— Атранзация, сказывает.

Управившись с кашей, Курчевых вытер пот, поклонился всем, все встали, истово и долго крестьянистые в углах с устами молчали, а потом Курчевых выпал из осени солнце. Стряпуха моталась на подолом костюма, кудрявилась усы мирильных волос на бараках и чистенькие долики керженской стройки. По Петру пахло смехом ивой корой и отхожим местом. В стружках алея платок, девушка сидела, читала книгу.

— Что надобно? — сурово спросил Курчевых, подойдя.

— С вашими парнями поговорить пришла, Я и комсомола.

— С скомкалами нет у нас никого разговору. Мы за власть! Нас, чай-но, в покое оставь. В граждансскую войну под Толчаком национализированы. А ваши уговоры нам ни к чему!

Девушка встала бледная, решительная.

— Ты, дядя, не ляйся. Я — не как ты говоришь. Я на фабрике работаю и.... в комсомольской организации.

— Не плачь, Гань...

А, Ганечка, — утешивал он тихо и настойчиво...

— Я-те, чой-но, не лядя! А парешки мон в бора верют! Не как вы черковные: поманили вас трипин-то, а в трипин-то — ветреный! Тыфу, тыфу, тыфу! Уходи отколова пришла! Уас девки в портах ходят, загорись. Тыфу!

А сажи исследали, нарастили, одно за другим, аремучие обнегренные лица, больше молодые, теснись, пахни потом, кашев, стружками — нет ветер, не то слова шептались в волосатые уши — малопонятные, тоже омшелые, тоже лесные:

— Басиония!
— Клейная, иино ластовка!
— Алый плаочек-от!

— Иша глядцакам сверлит, иши!

— Товарищи! — тугим и упорным голосом перебралась водительству тяжелая речь. — Товариши! Конечно, предполагается наступление милитарного капитала. Международный капитал готовится думать об полиграфии! Как мы кустаря, я, на крайне, фабричная работница, то мы должны каждому пролетарию наставчить.

— Ой да девоня!...

— Быстрая девоня, — доискивали вырынки из толпы, и в эту минуту дед Курчевых шагнул к растерянщикам и подтолкнул ее за плечо:

— Сына смыслишь-но, пешти анчикристу, — сказал блудно... — но с руки сбитый ударом двух точных физкультурных кудаков, таращнулся в стружки — и оттуда ужо — бородищей — звериным риком — старческим плевом:

...ниши вановински...

Рты, пасты керженские, мицелье бороды — уходятались сразу, замокли, сомкли, и кончили. Самого Курчевых городская девка синила с ног. И не унимается:

— Итак, товариши! Конечно, обнаруживающийся поход капитала против трудящих надо изжить — общим и целом, целиком и полностью! Довольно странно красной молодежи, как вы являетесь, не записываться в комсомол? У нас, во крайне, тридцать два с половиной процента девушек из производства втянуты в работу... У нас...

Но девушка не договорила: выковырявшись из стружек, Курчевых осиреплен подолом робичу своему, закамскому, мицелье, ухватил длинный горбыль и звонким ударом «вехал» в спину. Девушка странно качнулась, выдохнула воздух, медленно опустилась на землю.

И тотчас откуда-то из-за бараков вылетел ураганом Пашка Брычев, выхватил горбыль из

рук водителя, повертел со свистом вокруг головы и угрожающе гаркнул:

— Вы... слуш-ка... не драться! Мужик... наклончиво поклонился к бараку подбирая животы, синни, ноги, бороды, но Кучевый вырывался:

— А что она... кулачницами подо вздох?

— Иолы вы, черт!... — заревел Пашка, наступая и вытирая горячим востырки. К вам, слуш-ка... про землю, про землю принесли толковат. При всяком огородном овощи. А вы — этого... да орсины беретесь... Как для всего народа... Черты — абригенты... Я вот хоть сам садовник...

— Своловчи — с бодрою сказала девушка. поднимаясь. — Прямо по большому боку трахнули. Ну их! Пойдем, Брычев...

— Ты иди, Ганька, ты идины... еще пуще заорал Пашка, винзано в бой в ораторский раж...

— А я еще, слуш-ка, тут с ини...

Несспособные к изворотливому и быстрому городскому мышлению керженские мозги, охладились было при Пашинском появлении: подобрались, изготовились, отдали приказание рукам вступить в бой. Ощетинились мицелье бороды, всприступили дубомы плечицами, пе-ре-пнулись, вскинули щеклевые свиньи газы — и винзано высоко кверху взлетел выбитый из Пашинской головы синий кулак, из которого же Пашка опутана здоровенным ударом в спину, потом в грудь, подтонуть в спину — и очнулся только в полуверсте от бараков, рядом с Ганькой Чиж.

— Это надо бы от старика ини-го... с трудом сказала Ганька. — Он уж очень, шут, старым понятий.

— Им, слуш-ка, про землю... а они... — уныло отозвалась Пашка.

А водитель Курчевых за вечерней глянузу повелительно из плотников, сказал:

— Неправду бант! Никоку-тика землю он и не июхал! Чой-но, неизвестны мы, как с землей работать...

— Иши, иши, и верно про землю пробязаля бы... неуверчиво спросил Митя Хамия. — Городские оно по книгам...

— Чой-но! — насмешливо глянула Курчевых.

НЕУДАЧА ЗА НЕУДАЧЕЙ

ЗЫКОВА всех людей делила на «своих» и «не своих». Не-своих она просто презирала, а к своим относилась с разбором, кто заслуживал уважения, а кто нет. Однажды струга Зыкова разбрала девчат: что же не девчат, что, по мнению Зыковой, вели себя неподобающее, заслуживали немедленного исключения из

ячейки. И, когда, пожив две недели с Маруськой, Серега Меньшов с ней разошелся, и Маруська подала заявление об обратном принятии членчайки... Зыкова решила этому воспротивиться всеми силами.

Зарядившись неизвестно к Маруське, Зыкова шла в одно из воскресных училищ Головинскому поддевши — и встретила Пашку Бричева. Пашка с решительным и мрачным видом подошел, вздороздавши:

— Слыху-ка... Зыкова... сказать кой-чего надо...

Зыкова подозрительно глянула на Пашку; к жизни она относилась крайне серьезно, от Пашки же ничего дельного не ждала: по ее мнению, Пашка был человек пустынний, комсомолец — никудышний, значит, все равно, что не свой.

— Вот... вишь, какая вещь... мы... Пашка... Секрет у меня есть один. Только ты... этого... не скажешь. Я слыху-ка... Маруське Голубиной раньше хотелось, а она и этого...

— Ты... Ты говоришь? Тебе что тебе надо, шут ты нескладный? — строго спросила Зыкова, оставившице. Упоминание Пашки Голубиной заставило ее насторожиться.

— Я, конечно, слыху-ка... но могу так, прямо: удовлетворю... физиотерапевтическую потребность... это не такие слова нужно...

— Ах ты, шутите про стеснительны! — перебралась Зыкова, поняв его по своему. Ах ты пераешься ты оканчивай! И эти ты мне — такие слова? Да ты дурак! Шут и мудрованием восхищалася, кричал Зыкова и быстро выскочил из кабинки, неудомно посмотрел ей вслед, махнул рукой и побред в другую сторону: он и не думал ничего предлагать Зыковой, он хотел только только поделиться с ней, как с наядкой дивчиной всем, что накипело на сердце. Никто, решительно никто не хотел понять и поддержать Пашку...

В фабричном саду, разведенном Пашкой, было по осеннику пусто и неуютно. Цветы были давно давно обломаны, дорожки запакованы мусором, мертвые листья шуршили под ногами и от этого тоскливо и неуютно становилось на сердце.

Все же Пашка хохххий прошел весь сад из конца в конец, заглянув во все углы и тем самым взял лопату, зачем-то подправить клумбы и веником разбрал листья и мусор с дорожек. Стало чище. Но в сад никто не приходил, поэтому эта прелестная работа показалась не нужной. Странное дело. В будни, на фабрике, за станком, на собраниях Пашка не отщупил этого бурления, беспокоя, томки. Там — все было общее, дружное, веселое, молодое. А по праздникам, когда Пашка оставался один, тоже приходил, но даже не знал, что Маруське Голубиной. После того, как Маруська разошлась с Серегой, Пашка как-то хотел с ним заговорить, но она только фыркнула в ответ.

Зашел в клуб. Попытка — было поупираться на брусьях, но в одиничку скоро надолго. Прошел в местком, там. В одиничности сидела Ганка Чиж и — плакала. Пашка не мог видеть женских слез, — он с силой захлопнул дверь. Потом ему стало жалко Ганку, он вернулся в местком, но ее там уже не застал.

Синяя, из стекла, по лестнице, поднималась Капитонова с какой-то тарелкой в руках.

Утром инклюзия замыкала языки, — спросила Капитонова.

— Вот щели или замыкаешь тарараканы?

Пашка ряжно прибрался за дело, помог Капитоновне, замазав щели и по дороге безжалостно отсыпал погадавшихся тарараканов.

— Чайки с пригомом не ходят ли стаканчик? — спросила Капитоновна.

— Мне... слыху-ка, и за работу следоват! — прорвал в ответ Пашка на ухо Капитоновне, и ему стало весело и тепло на сердце.

Потом следом Капитоновне, пили горячий чайник и погадавшие выкусывали приograms.

— Чтой-то Ганька плачет? — спросил Пашка — прихожу сегодня в местком, а она плачет... Неизадачливая она, — выдохнула Капитоновна. Ох, неизадачливая.

— Да что с ней такое, Капитонина?

— Уж я не знаю — то не знаю, и сказать не берусь. Пей еще, с пригомом-то в юхту.

А когда Пашка уходил, сказала неизадачливая:

— Вот бы Пашка уходил, сказала неизадачливая: она девушка нездадливая, а прости. Я — тыренек-то тоже простоватый... Без пригома ходи...

Я Капитонина, слов таких не знаю, — крикнула ей Пашка на ухо... Слов, говорю, нет у меня на это...

Капитоновна удивленно посмотрела ему вслед: какие такие особенные слова нужны, чтобы жениться...

С ИЮНЯ МЕСЯЦА В «СМЕНЕ» БУДЕТ ПЕЧАТАТЬСЯ

БОЛЬШАЯ ОБЩЕСТВЕННО-БЫТОВАЯ ПОВЕСТЬ

ПОВЕСТЬ ЗАТРАГИВАЕТ ЗЛОДНЕВНЫЕ ДЛЯ КОМСОМОЛА И МОЛОДЕЖИ ТЕМЫ

Пашка побрал домой ожидать, когда в клубе начнутся всякие собрания и кружки. Проходил мимо библиотеки, услыхал он спор.

— Это... будем мы с ней разводы разводить, кричал Зыкова. — Ты она выходит, то она приходит. Она думала: замуж вышла, поддернула наушника... Замуж тук. Как бы не так. Молоко на губах не обсохло.

— Ты погоди, Зыкова. Ты не волнуйся, Зыкова... — смыкалась в ответ голос Головинской. — Ведь... она не смешливая, Голубкина-то. Что она знает.

— Бердинкова — Светлова — и то не читала.

— Тут не в Бердиникове дело. Ты запомни, Зыкова: жизнь и нас с тобой втянет даже отсталый, даже несознательный элемент в общественную работу... Но и мы должны помогать...

СЛОВА ЗЕМЛИ

В ЕТЕР пел вот что:

Загорел осенний крепкий предлы лист;
настоящий на нем, на листу на этом, сту-
денный утренний воздух; пропеченный послед-
ним солнцем мох; таинственное рождение белых,
подносников, подберезников, опят, рыжиков,
волчика, лисичек, мухоморов, скрипки, моло-
канника, крапивы, пневмодом, невидимое, незнамое
именем рожденное.

Все это пел ветер — все это можешь знать ты.
Знать тоже можешь, а как сказать?

Вырази по-другому: подкинь сяди к Ганьке — она, вон, ждет у опушки — да цепи ее по спине ладони, она обернется, вскрикнет и даст сдачи. Ты влей еще — горючий между лопаток ты помни: руки у нее сильны до тех линий пор, пока ты не сгреб ее в охапку и, тяжело дыша, не стал ломать ей руки: вот, тогда они осла-
бнут, она прижмется, скажет жалобно: пусты, вон, ведь, черт конопатый. Тогда отпусти, шепни в с к е р т . Она удивится, поймет, что великий и волынный человек Пашка, что нет преграды его мыслям и делам, и что любой деяние по дороге с таким безусловным и человеком...

Все это хорошо в мыслях, но... вот уже потому воскресенье гулит Пашка с Ганькой, а все не решился.

— Ты что-ж долго, Паш? — грустно спросила Ганька.

— Да так... Слыху-ка, что я тебе скажу хотел... только вот все... (Пашка сорвался ухнуть в холодную воду)... Все... собираюсь...

— Ну? ну? — воздух в ганнице груди зашелся, словно и не выдохнуть никого... Ну?

— А вот... знаешь... (ухин... Пашка, ухин). Такое дело... слыху-ка. Есть у меня секрет... Какой секрет? — девушка насторожилась еще больше.

— А вот какой: пойдем, покажу.

— Ты что, чудин? .. Чего показаешь-то?

— Иди, иди.

Пощи молча по опавшему шуршащему листу, тихими предзимним лесом. Ну, конечно, раны и колючки рождаются в лесу. Это потому, что в лесу всякий может себе добра. И тогда у всех, помни, был одинаковый язык языка.

Здесь, — сказала Пашка — загребрая кучу висок. На земле, под листьями, обнаружилась высокая, с черной опальющей шляпкой, почка гриба... Вот.

— Чтой-то? — недоуменно и даже со страхом спросила девушка. — Гриб глиной?

— Он не глино-ой! — убежденно протянул Пашка в ответ. — Он — семениной! И сейчас, торопясь находить нужные слова, горячас доказывать свою правоту и оттого еще большие запинавшись, Пашка...

— Они, грибы-то... их никто не знает, как разводить... А в книжке, слыху-ка, так и написано: на-ци-о-наль-е богатство... это наше,

стало быть, Эс-Эс-Эр... А это я, слыху-ка... решил: поверху, стал-быть... инну, контроль, как сказать. Нинин, вроде как матери дети рождаются, рождаются грыбы, стал-быть, от старого... или не рождаются.

— И что же: рождаются? — странно-высоким голосом спросила девушки.

— Нише знаю. Все лето опыты делал, так... ни до чего и не... да ты что?

Простым, мудрым, как рост леса, и радостным движением девушка стремительно обвила Пашину шею руками. И, задыхаясь от волнующего смеха:

— Так ты... значит тут грыбы ростили! Это и есть секрет? Ах, ты, чудной мой! Ах ты, глупый! А я туда думала... что от мне показать хочет. Ах ты...

И запнувшись, покраснела, замолчала, словно устремясь себя самой; руки убрали, отодвинувшиесь дальше, отступнулись.

— Чудной, слыху-ка? — тревожно спросила Пашка — и зевнула, зевнула руки да гуашь. Гань, а Гань-ка... Я ведь, давно тебе сказать хотел... да все как-то... не говоришь... А Гань?

Не девушка же... Изнасиловали меня... еще в двадцать первом году... Куда я тебе...

— Гань, Ганечка, да ведь я знаю, словно обрадовавшись, заторопился Пашка. Ничего... Я ведь, знаю... Слыху-ка, Гань... Ты мне... Как цвет-резеда.

Но девушка, согнув колени, тихо села на землю и закрыла лицо руками; плечи ее захлопали; глухие рыдания сотрясли ее стан. Пашка клунул себе на бедрам, оглянулся, словно призыва на помощь, потом опустился рядом с девушкой.

— Не плачь, Гань, А Ганечка! — упрашивал он ее тихо и настойчиво. А! Право — слово, слыху-ка... не плачь. Ну, что такого?

— А то, что зараженная я, — с виноватой лицом отвертила девушка, отив руки до морского лица. Заразили меня. Не только что изнасиловали, а еще и заразили? Ну? Куда я тебе... такая?

Она встала, отягнула подол и пошла. Пашка сидел на земле, глядя ей вслед. Потом вскочил и в прытвистыми своими шагами догнал девушку в головном осиннике.

Чтоб встать — остановилась, закрыла глаза.

— Я вет что... Гань, Слыху-ка, ведь лечат, — заговорил Пашка горячо и беспечно. Вылечить можно... Теперь есть такая... венеритская больница... для рабочих прием... Я знаю.

И осекся, и замолчал. Девушка качнулась, словно падая, Пашка пронзила руку подсереж, нестерпимая жальость вспыхла отстрим в его сердце.

Потом услышал тихие, как дыхание, слова... — Пани... любят ти моя... родной...

Долго гуляли молча по лесу, потом выбрали место, сидели. Особое сидение стояло по новеньким: пояско — пояско, раздухарившие серебряными лутиами. Барахло лимонами дамаскими, скривясь деревом, потным трудовым одыхом.

Керженский парень, Митя Хамя, взобрался на пригорок, уставился на Пашку.

— Ты чего... слыху-ка... драться? — с трехвойт спросил Пашка.

— Неее... Какой драться. Чо я спросить хотел... товарищами.

— Чего спросить?

— А насчет земли, баяль, обсказать можешь. Так работа толкована не приძеш ли теперь... подготовлять?

— А дед-то ваш... старик... опять драться?

— Ка-кой полезет! Отправили мы юно... домой поехал! А ю: дюжа мшонай он у нас... Не ноглинулся?

— Какой такой: мшонай?

— А без привет! С людьми не живет, как надобет! Вот и баэм: мшонай.

— Ну-что, слыху-ка... я приду, — неуверенно сказал Пашка. Ты как скажешь. Ганечка: Прити? А? Прити? У меня книжки есть... чтай, почитать могу.

— Вместе придем! — шепнула Гань. Ждите. Вечером придем.

— Будем окидать, — обрадовался Митя Хамя, в неискаженно махах руками, зашагал вином, к баракам.

День кончался.

В воздухе — чуть студеном голубом вине — прозрачные пустинки — понятные всем слова земли,

ВЗЯТИЕ УФЫ

(ИЗ КНИГИ «ЧАПАЕВ»)

Д. ФУРМАНОВ, линогравюры П. СТАРОНОСОВА

НЕПРИТЕЛЬ ушел за реку, взорвал все переправы и ощетинился на высоком уфимском берегу жердями орудий, пулеметными глатками, штыками дивизий и «корпусами» районов. Колчак расставаться не хотел, и с вынужденными высот правого берега Белой он безжалостно, как волк, поглощал подступавшие с разных сторон красными дивизиями.

Уфу защищалась в обхвате: двиня змия правого фланга дана задача выйти в непрятательский тыл к заводу Архангельскому. Но затруднительность движения им не позволяла переправиться на Белую еще Гни одного бойца к тому моменту, когда другие уже вплотную подступали к берегу.

Против Уфы выросла чапаевская дивизия; она своим правым флангом,brigадой Попова, застала над огромным мостом, идущим высоко над рекой прямо в город; левый же откосил к Красному Яру, небольшому селенцу в верстах 20 выше по Белой... сюда подошли brigady Кашарина и Еланя.

Когда у Красного Яра переправлялись части и пойдут на город, brigada Попова должна была поддержать их, переправившись у моста. Он был еще цел—огромный, чугунный мост, но никто не верил, что неприятель оставил его нетронутым; предполагали, что мост непременно должен был минирован и поэтому переправляться по нему не следят.

Главный удар намечался все-таки со стороны Красного Яра. Вынеслась на берег кавалерия Вихоря. Недалеко от Красного Яра, по Белой простираясь от горы до горы, стояли и дали небольших плавучих батарей. Плавучая была самая разнообразная, а больше всего, конечно, военных, из них десяти три офицеров. Непонятна, удивительна была эта беспечность,—слово и не думали о возможности налета с берега или же и вовсе не знали того, что так близко красные полки. Кавалеристы три разинули, когда увидели на плаву «господа в погонах». Офицеры сразу тоже не разиннули—за своих, верно, приятели.

— Стой! — прокомандовал с берега.

— Зачем вставать? — крикнула группа.

— Остановите парохода! — оторвались. Принципиально берегу! — кричали кавалеристы. Но там пошли в дело, попытались ускользнуть, чтобы дулами прокатить и болтать, куда по берегу кавалеристы не дойти... Лишили замка кавалеристы, —грозно заревели:

— Останови, останови!!!

Пароходы продолжали идти. С палубы раздались первые выстрелы. Кавалеристы отвечали: зазвался первый бой. Подсочкичили с пулеметом, затащили. На пароходах заняли, стремглав сняли винт, прятались, глядя морги. Пушки призывали. Офицеры не хотели слышать живыми, —тичи, все перестали стрелять, прослыши волны... Эти пароходы были сушими кладом: они смыграли колоссальную роль в деле перевозки через Белую красных полков и сразу облегчили то затруднительное положение, с ко-

торым столкнулось красное командование. Пароходчики притянули, не давали неприятелю узнать, что в руки попала такая драгоценность.

За два дня до наступления Фрунзе, Чапаев и Федороп* приехали туда на автомобиль и сейчас же собрали совещание командиров и комиссаров, чтобы выяснить все обстоятельства, еще и еще раз подсчитать свои силы и шансы на успех. У Фрунзе есть одинаковая карта, которая прежде всего ему же самому и помогает распознавать, что касается бы запутанные и склонные дела, он созывает на товарищеское совещание всех занятнеровских, ставит им ребром самые главные вопросы, отбрасывая на время второстепенные, стяживает интересы, вызывает прения, направляет их в наилежащее русло. Когда окончена беседа, самому Фрунзе остается подсчитать только обгруженные шансы, прикинуть, координировать и сделать неизбежный вывод. Причем этот, казалось бы, очень прост, но удается он не каждому; во всяком случае сам Фрунзе владел им в совершенстве.

Когда теперь в Красном Яре собирались воины дивизии, надо было учиться, помимо техники и количества бойцов, еще и качеству их, касаясь именно этой исключительной обстановки: выбор пал на рабочий Иваново-Вознесенский полк. Этот выбор был сделан не случайно. Полки brigady Еланя покрыли себя бессмертной победой словом; они были в отношении боевом на одном из первых мест, но для данного момента надо было остановиться на полку высокосоставленных красных ткачей: здесь одой беззаветной удали могло оказаться недостаточно.

Совещание окончилось; вскочили на коней, поскакали к берегу, откуда должна была начаться переправа.

Там условились так, что переправу у Яра будет руководить сам Чапаев, а Федор поедет к мосту, где раскинулась brigada Попова, и будет руководить этой операцией вплоть до вступления в город. Разъехались.

* Уж с вечера на берегу, у Красного Яра, началась необычайное оживление. Но в тишине были для таких случаев необычайны: люди ширялись так тем, струпнувшись вдруг, тащили и приводили, собирались снова и снова тащили, — это приступил к переправе Иваново-Вознесенский полк.

Уж давно миновала полночь, близилась рассвет. В это время батарея из Красного Яра

— Федор—это сам Фурманов, бывший в описанное время комиссаром Чапаевской дивизии.

Черными колоннами, тихо-тихо, без человеческого голоса, без лязга оружия, ишли в наступление офицерские батальоны...

открыла огонь. Били по ближайшим неприятельским окопам, замыкающим ту петлю, что в этом месте делает река. Удары разом несколько десятков орудий: пристрелка взята была раньше, и результаты сказались быстро. Под таким огнем немыслимо было оставаться в окопах, —неприятель дрогнул, стал в беспорядке перебегать на следующие линии. Как только об этом донесли разведчики, артиллерия стала смолять, пододвигнеши иваново-вознесенские пошли в наступление и потянули, ногами вплоть до поселка Новые Турбасы... Неприятель, отброшенный вперед, оправился и повел наступление на Иваново-Вознесенский полк. Было уже часов 7—8 утра. Пока стояли в Турбасах и отстреливались от демонстративных атак, подошли сюда из-за реки и из-за горы погонщики и кочегары с расстрелянными патронами и теперь оставались почти с пустыми руками, без надежды на скорый подвоз, помня приказ Еланя, командовавшего здесь засечной группой:

— Не отступать, помнить, что в резерве только штыки!

Да у них, у ткачей, теперь, кроме штыка, ничего не оставалось. И вот, когда вместо демонстративных атак, неприятель повел настояще широкое наступление,—другими словами, не выдержали бойцы, попятились. В это время к цепям подсекали несколько всадников, они поспиртовали на землю и, Федор, —вспомнил Григорий Григорьевич Третьяков, несколько близких людей... Он с винтовкой забежал вперед: «ура! товарищи! Вперед!» Все те, что были близко, его узнали. С быстрой молнией весть промчалась по цепям. Бойцов охватил энтузиазм, они с бешенством бросились вперед. Момент был исключительный. Редко-редко стреляли: патронов было мало; неслись со штыками на лавины наступающего неприятеля. Цепи врали, дрогнули, повернулись, побежали... Елань послал своих офицеров: быть неотлучными около Фрунзе, наказал:

— Если убьют, во что бы то ни стало вынести из боя и сюда — на переправу, к пароходу... На повозках уж гнали от берега патроны: их подносили ползком, как только цепи полегли за Турбаслами. Когда помчались в атаку, прямо в грудь пуля сбила Траллина; его подхватили под руки оттели с поля боя. Теперь на том месте, где было сражение, смертельная ранка, говорит, у него остался Красного Знамени.

Перелом был совершен, положение восстановлено; Фрунзе оставил полк и поехал с Еланевым другому полку, к пугачевцам. Взирались на холмики на пригорки, осматривали местность, вспоминая, как будто погибло, опровергая, вновь и вновь разыскивая карту, спешно приглашали пристально в каждую точку, сравнивали с тем, что видели здесь на самом деле. Пугачев предложил пойти на берегу. Стало подходить разинцы и батальоны Домашинского полка; они выравнивались вдоль шоссе. В подъезд были посланы об общем дальнейшем наступлении. Как раз в это время показались колонны немецких полков; они с сенера наскочили ударом в центр группы, готовой к наступлению,

— Это, может быть, стада, — предполагали иные.

— Какие стада, когда штыки сверкают! — замечали им.

ицелью, но уж ни у кого не было сомнения, что идут непримиримые полки, что от этого боя зависит будто многое. Фрунзе хотел участвовать и в этой схватке, но Елань упросил, чтобы он ехал к первопрестолу и ускорил Переяславскую полков дивизии. Согласились, что это будет лучше, и Фрунзе поехал к первопрестолу. Слух о том, что Елань поехал к самому жестокому контузию разорвалось по всему фронту, и бучные контуженцы, он не оставил в живых рабочих берегу Днепра, помогал, советом, переправить на лодках «Чайку».

и в первом же написке неприятельском, когда застыли цепи в состоянии дикого, окостенелого выжижания открылся огонь. И бойцы, засыпав свою баталию тарею, вздрогнули, весело, пошли вперед...

Наступление развито не удалось: на разин-

иев и домашние батальоны навалились грудью вся та огромная масса, что двигалась с севера. Слишком неравны были силы, слишком труда было удержать и переброть этот написк, — разинцы дрогнули, отступили: в одном батальоне произошло замешательство: — там было мало старых бойцов, больше свежих, непривычных младожек; этот батальон сорвался с места и, склонившись к берегу, за них кинулось отделяться бойца другого батальона. Ивановознененцы задрожали, поднявшись по Турскаям. Теперь часть непривычных бойцов обратилась на них. Чуди поплыли вдоль «У» быка.

— Разницы, Хребтов, отступают; надо помочь! Поверни орудия, бей правее по тем частям, что преследуют отступающих!..

И Хребтов повел обстрел. Верный глаз, смекалка и мастерство испытанного закаленного артиллериста сделали чудо: снаряд из спарядом — и в самую гущу, в самое сердце неприятельских

колонии... Наступление было остановлено.

В это время Чапаеву на том берегу помогал при переправе Михайлов. Когда он увидел, что берегу сбежалась масса красноармейцев, понял, что дело неладно, побежал к Чапаеву, хотел доложить, но тот уже все знал.

— Михайлов, слушай. Только сейчас погрузили мы батальон еще... Туда нужны силы... Этого мало... Надо отогнать этих с берега, — понял? Обрати, на одно гибель. Поехай, возьми их обратно, за собой — понял?

— Не торопись, да и нет времени разговаривать: задержавших бегущих пляткой, иных револьвером остановил, крикнул:

— Ты, значит, вспомнил? — сказал Григорьев. — Ты, значит, вспомнил? — повторил сосед, так что и спрашивал. За мной, товарищи, вперед!

Эти простые и так нужные в ту минуту слова разогнали панику: бежавшие остановились, перестали метаться по берегу, сгрудились, смотрели на Михайлова и недоумевали, и робко, и с надеждой:

«А не ты ли и вправду спасешь нас, грозный командир?»

Да, он их спас: в эти мгновения иначе, как плетью и пулей, действовать было нельзя. Он взял их, повел за собой. Построил, как надо, толпу снова превратив в организованное войско. И теперь, когда подходили с ними на встречу отступавшим из лесов польским батальонам, у

домашкинцам, те вздрогнули радостью, закричали:

— Пополнение идет! пополнение!
В такие минуты ошибку рассеять было бы преступлением: их так уверили, что тут показалось действительно, пополнение. Батальоны побежали — пошли вперед.

и поборули, пошли в наступление. Но победы здесь не было. Только-только удалось неприятеля отогнать, и когда отогнали, главные силы его загнали на Иваново-Вознесенский полк: он очутился под тяжким ударом, и выдержал одну из другой четыре атаки несокольских неприятельских полков. Здесь геройзм и стойкость были проявлены необыкновенные. Выстояли, выдержали, как не устали, пока не подошли на помощь свои полки облегчили

многотрудную обстановку...
Ушедших по берегу пугачевцев, чтобы не дать отпораться, надо было оттянуть обратно; когда приказание было отдано, и они стали отходить, — молчавший и, видимо, завлекавший врага, открыл одну за другой ряд настойчивых атак. Пугачевцы отступали с потерями... Схватывались, отбивались, но в контратаку не ходили — горорились скорее успеть

и лично своих подков.

И когда все части снова были отынуты из щоссе, сюда пришло известие о том, что Чапаев ранен в голову, что Еланю поручается командование дивизией... Тяжелая весть облегла живо полки, нагнав на всех уныние... Вот и не видели бойни здесь, в болотах, а знали, что тут он, что все эти атаки, наступления и отходы, что все это не помимо него совершается. И как бы трудно ни было положение, верили они, что выходит будет, что трудное становится легким, что такие командиры, как Чапаев и Еланев, не погибнут. Узнав про чапаевское ранение, все как-то садились, будто тишина и грустящий... Наступление, в том же времени уже остановилось, сумерки обрамили перспективу. Затянуло все. Над пальмами тишина. Во всех концах стояли сторожевые охранения, выше высыпали дозоры. Полки отдыхают. Но утро, перед зарей, назначено общее наступление.

в кости... Ее вынимали—шесть раз срывалась. Сидел. Молчал. Без звука переносил мученье. Забинтовали, увезли Чапаева в Авドонь—местечко verstах в 20-ти от Уфы. Это было к вечеру 8-го, а на утро—9-го¹⁾—было назначено насту-
пление.

Под занавес вечером к Еланю привели перебежчика-рабочего. Он уверял, что утром рабочие пойдут в атаку да офицеров батальона и Капеллена полк; они пойдут на пугачевщины, чтобы, пробив заслону, отрезать остальные части армии. Рабочий сказал, что сам он с Уфимского завода, что существует Советской власти и перебежкал, рискуя жизнью, исключительно с намерением предупредить своих красных товарищей о грозящей опасности. Сведения получены им совершенно случайно, работая в том доме, где происходило совещание. И верили ему — несмотря на то что в тот же час наступление Еланя отсрочено на целый час. Успели дозоры, приготоившиеся встретить десантами пулеметов, забега, взяли под стражу.

Мучительно долго тянулась ночь. В эту ночь из командирской почти никто не спал, несмотря на крайнюю усталость за минувший страдный день. Все были оповещены о том, что рассказал рабочий. Все готовы были встретить врага. И вот подошло время...

«Черными колоннами, тихо-тихо, без человеческого голоса, без лязга оружия шли в наступление офицерские батальоны с Капеллевским полком... Они раскинулись по полю и охватывали разом огромную площадь. Было, видимо, что-то необычное и потрясающее в изумленном движении и внезапной ударной мощи... Стремительно, с яростью, с яростью, чтобы преградить путь, чтобы отразить, поднять ужаса... Батальоны подспудили силуэтами, и разом, по команде рявкнувших на пулеметах... Зарабатали, заискали... Положили ряды за рядами... Поясами, якосями... Положили ряды за рядами... Поясами, якосями... Зарабатали, заискали бойцов из окопов, маленьких ямок, сорвавшихся вперед. Цепями лежали склоненные офицерские батальоны, мчащиеся в панике к капелевскому полку, в беспорядке, несколько верст... Этот неожиданный успех окрыли полки санитаров, пажеских и «челюстных»

Рабочий был освобожден и с почестями отправлен в дивизию, из дивизии, кажется, в армию...

*
РАЗЕХАВШИСЬ с Чапаевым, Федор с несколькими товарищами поехал в ту сторо-

ну, где расположена была brigada Попова. Попов остановился на кромке полустанка крестах в двух-трех от берега. Происходило как раз совещание командиров: высказывали лучший способ переправиться на тот берег... Перешли переправку ставить в полнейшей зависимости от продвижения двух других brigad и не погибнуть на них как соблазны — броситься, через мост, относительного которого обе стороны были мнение, что он подготовлен

2) Июнь 1919 года.

Третий способ решения это разные методы решения уравнений

На самом берегу Белой стоят две будки— избушки; там поставили телефон, проложили телефонные провода. В траве, на берегу, по обе стороны от моста, залегли полки. Сзади, вдвох, за лесом, остановились батареи. Сзади, вдвох, за лесом, пропущенные неприятелем, узлы окопы— чально по мост: действительность, мол, минировала или нет (оbrigах поступали сведения, что уфимские рабочие не дают белым войскам ни взорвать мост, ни готовить его к взрыву). В 11 часов, когда будет совсем темно, должны пройти головной отряд рабочих; они вызываются снести мост, загроможденный вагонами и направить разобранный путь... Вот уже однажды— сорокать, час...— отряда все уж. Он явился только третьим, когда начинили уже редеть преддрамматические сумраки. И лишь только стало известно, что бледный отряд, артиллерия из-за леса стала расчищать дорогу к работе. Батареи разом открыли огонь по берегу, пытались выбить неприятеля из первой линии обороны, панику, отвлекли внимание от рабочего отряда. Но в расчетах ошиблись: не-притянут на огонь артиллерию ответила еще сильнее частым жарким огнем, и, как только стукнуло по рельсам первый молоток, боевые заухали тяжелые орудия. Принцесса врага великолепный, выверенный до точности: видно было, что в ожидании юных гостей белые войска практиковались здесь: взрывали и серезью готовились к бою. Первыми, да снаряды упали возле переднего каменного столба, как бытолы, и нащупывали нужное место и указывая огненными беками, где должен упасть третий. Указано было точно: третий снаряд ухнулся, как раз на шапку первого пролета. Работаши разорвались назад... им так и не удалось пробраться к темневшим впереди вагонам...

Всю ночь снаряды визжали и хранили, стонали, металась над головой...

...Будто подбитые отравленными, чугунными пластыни трубы, одна другую, все быстрее, и они пережгли и стонут и скрежещут своим невыносимым чугунным скрежетом...

Над всем ли это или пролетят?

И вдруг визг уже совсем под головой. Вот он пронзил мозги, застыл на мгновение, пронесся из мышцами, по краям, по нервам, заставил дрожать их частей, мелкой дрожью. Секунды затянутого дыхания, гробового молчания, а потом кто-нибудь дышит и все еще нетвердым голосом пощупал...

— Пронеслось... Эх, журнал, ребята...

Удивительное чувство возобновляется почти всегда мгновений поговорок: возобновляется почти всегда и поговорок никогда ни член другим. Потом замолкает и снова слог, ждут новых разрывов. Такие долевые часы, до рассвета...

Как только рассвело, пальца прекратились... Перебрасывая на полустанок, где расположился штаб. Измученные бесконичной ноющей, быстро по-засыпали. А в сумерки синюю к мосту и снова стали наспупывать: где или нет. Разведчики дошли уже до половины, но не заметили обстрела пулеметным огнем... Федор с комиссаром полка тоже пошел на мосту. Продвинувшись онемев на двести и запели Интернационал... Понидомому, странное чувство испытывали комзаковские солдаты: они не спрашивали, что было мочи, крикнул с места:

— Товарищи...

И как только крикнул, синов заработали пулеметы. Припали на рельсы, попозорили... Общлось благоголубно.

Эта ночь была также, как некакие. Пришли сведения, что две бригады ушли проникнули на том берегу о Красном Яре: значит, и здесь наступают что-то решительное. Одна из групп, вероятно, проникнуть не могла, ибо эти были к вагонам, засторонились путь, но непрятель зорко охраняет все щели, все дыры, где только можно было бы проникнуть... Около двух часов утихла артиллерия... Тишина воцарила необыкновенная... Чуть забрезжила...

И вдруг со страшным грохотом взорвался мост, полетели в воду чугунные гиганты яркие пламя засиграло над волнами... Стало светло, как днем...

Все стояли на избушках повсюду насыпь и всматривались через реку: так хотелось узнать, что же там творится у врага? И не имели времени: в этот час, он уничтожил чугунного великого защитника? Значит, что-то недалеко... Могут быть, и бригады уж наступают... Уф...

Всеми овладела пахородачная нетерпение... Шли часы. И лишь стало известно, что бригады в самом деле пришли к городу, была отдана команда— проникнуться! Появились откуда-лодки, поплавательства из травы и спустили на воду

Дм. Фурманов

Памяти Д. ФУРМАНОВА

Б. ВЛАДИМИРОВ

15 МАРТА умер товарищ Фурманов, умер еще совсем молодой, умер внезапно от злокозной болезни.

Революция, партия и пролетарская литература потеряли в его лице преданного и пламенного революционера большевика и большого художника герического времени гражданской войны. Те кто лично знал тов. Фурманова, не смогут забыть этого одновременно и исключительно прямого, твердого и делового человека и чрезвычайно чуткого и тактичного товарища.

Т. Фурманов, каким мы его знали, принес из самой гущи горнов гражданской войны, где он получил закалку в роскошной политической и боевой работе. Вот кусочек из его автобиографии:

«Потом... Иваново-Вознесенска — родина Фурманова») с оградом Фрунзе на фронте. И там: комиссаром 25-й Чапаевской дивизии, начальником политуправления Туркестанского фронта, начальником политуправления Кубанской армии, ходил в тылу белым на Кубани комиссаром красного десанта, которым командовал Елифай Конвой... Потом в Грузии, из Грузии на Дон. В таких перечислениях кроется неисчислимая глубина впечатлений, которые он непринужденно отпечатываются в человеке их перекинувших, и от того после—Фурманов в мирной областной нес каждой работу, как самий серьезный, самый ответственный революционный дядя.

Но можно было и не знать лично этого человека и тем не менее может быть, еще лучше и крепче получается, какое-то особое кровное родство, потому что Фурманов был писатель и каждая его книга молниеносно находила доступ к миллионам читателей. И это не был простой и чумный успех книги.

Перед зрителем ждет и действительность, которая не исчезает в прикрасах, проходят те события, для которых не требуется дополнений и выдумки, действуют те люди, для которых не нужно псевдонимов, лица и имена которых в письменном творчестве вырастут в легенду. Нужно было только уметь видеть, перекинуть и найти в себе мужество написать.

Когда вы читаете в «Красном десанте» такую же простую фразу:

«На долю Ганзы выпала задача промчаться метеором по улице станции, все рассмотреть, все оценить... Он несся, словно птица, мимо густых салов, мимо домов с закрытыми ставнями...» это исключительно остро перекивает драматический смысл этого места не по внешним художественным данным его, а по тому решительному значению этого момента для рисованнейшей действительности которого перекинуты глазами людей.

— «Красный десант», «Чапаев», Мятеж—это основное, что написал Фурманов. Перед зрителем развертываются черные и жуткие сцены ночи и смертной борьбы, сражения людей, пылающих в глубокой тьме, среди ярких уральских степей, деревень, деревень Кочказа и трагическая гибель... Слово «Чапаев»; грозная обстановка боя в центримирном клубке вражды далекого Среднего Урала и горстка коммунистов в неминуемой напряженности и перед лицом почти неминуемой гибели, сопротивляющаяся падению Советской власти в этом огромной области.

Вот какими словами говорит Фурманов об этом моменте:

«Всю силу сообразительности, все умение, весь свой опыт, все, что было в мозгах и в сердце и во всем организме—и голос и движение—все приоритеты и все напряжения мы для последней степени, до отказа. Бывает, после такого напряжения люди сваливаются в белый горячий сон. Выдерхся и смелая встреча с грозой разыгрывается страшное колыбель мятежных масс... Голос поддельным драматизмом...» Такое же, так просто написанное венце. Скорее неоднократно смотрела в глаза Фурманову, она не知道了 его, когда она была обычной жертвой гибели, и словно сплюхнувшись, она скосила его губы—далеко за пределами неминуемой гибели.

Но нам осталось от Фурманова его творчество, которое сохранилось навсегда, как неподражаемый образец самой гордой и незамысловатой действительности, когда-либо так подлинно и наизнешней свое отражение в литературе.

ПОЧЕМУ ИХ ЧУЖДАЮТСЯ?

ЛИНЧ, рисунки В. СУТЕЕВА

ЧЕЛОВЕК я, надо вам сказать, обще-
ственный.

Любое общество. Сидеть дома одному, носом в книгу или к докладу какому готовиться,— для меня нет хуже.

Тоска.

Плюнешь, — не в книгу, конечно (это тебе и 18-й год), и зальешься в клуб или к ребятам.

Придешь — народничко кругом тебя треплется, разводит разговорами. Хорошо.

А то склонишь устроишь, да за бутылочкой смахнешь. Ну, тут настроение сразу на 40° поднимется.

Сам слово—другое в разговор вставишь (все больше о политике, конечно).

Чемберлен, мол, братища, все нам га-
дят, суки сыны. Все, вот, некогда, а то я... так
его растак... рассчесал бы..., будьте покойни... —
Или пионера какого пымаши: «А как звали
бабушку Карла Маркса?»

Он отрапортует:

— Пусти, задриги. Вожатому пожалуюсь.
Одним словом, обижается.

А бывают и такие что чуждаются общества.
Есть у нас в ячейке две комсомолки — Ма-
русяка и Настя. Что и говорить, девицы ум-

В. С. 26.

— Улыбнемся! — Улыбнемся, — да на все кино: «Гы-зы-зы! Хо-хол!»

ственники и рабочие:
доклад ли прочитать,
статьей написать — пожалуйста; и не пудрятся
к тому же.

Одно и не хорошо:
подойдешь, по-товарищески к нему, нату-
рально, по плечу или
другому какому mestу
хлопнешь:

— Ках, мол, живиць,
шкварда!

«Нельзя ли, говорит,
без и ж и о ст е й», — и
уйдет.

А то попали мы с ни-
ми как-то в кине компа-
нией. На экране кто-то с головой подыхает
а я Петя:

— Улыбнемся?! — го-
ворю.

— Улыбнемся, — да
на все кино: «Гы-зы-зы!
Хо-хол!»

Дальше — комическая
поща: кого-то лапшой
обили, а мы с Петей
назывы безумешко
рыдали.

Публика в шизу уда-
рилась. А нам что, нам
плевать?

В заключение в науч-
ном порядке микробов
стали показывать.

Тут мы с Петей
окончательно в азарт во-
шли, да как, грехом:

ЧИТАЛЬНИЯ

В. С. 26.

Покачался я, покачался перед дверью, илюю и пошел: — Чо-ж, думаю,
не хотите общаться, так и не надо...»

БЫЛЬ И НЕБЫЛЬ

I

В старину я был бы варягом,
На большой дороге бы с дубиной
Поджега... обозы... и потом...

Пирорвал бы с пльюю дружиной.
У меня такой аллеейный пльюю,

Мне бы стать разбойным атаманом,
У меня дрожал бы каждый лист.

Не гулял бы ветер по карманам.

Я бы всем товарищам лихим
Напелан тюремных близницы,

По ночам рассказывал бы им
Про любовь красавиц-дивчини.

Пусть и я—зворога и злодей.

Пусть любил нахебы до попоинки, —

На любой на выхоленной тройке.

Что-же я, — ни удали, ни сил,
И такой, белнига, замухрышка,
Но в душе я что-то затяну,

Покиняя свою родной домишко.
Затянул я песенный разгул.

И вразду задалку к богатым...

Это им я песню затяну,

Это их страшно я блатом.

II

У меня — разбойная родня...
На большой дороге проживала,
Стерегла средь ночи и средь дия
Богачей пузатых у Байкала.

У нее гостиши вераки,
Пили чай и сусло каторжане,
Во дворах таились супидки,
За избей — ворованые сани.

— Просмотрите, как иелено
Расплюялся рожа иэпъ.

Публика в панику, а Маруська с Настей
выходу потерпли:

— Стадио — говорят — и сидеть то с вами...

Что-ж это — думаю — чуждаются они. Бабы
хорошие, а буржуазиям предрасудкам пре-
даются.

Обидно...

Решими спасать...

— Пусть-ка — говорим — в деревенской ячейке
поработают, в самых низах поварится.

Послали их в одну из сельских ячеек.

Неважная была ячейка, совсем в хвосте пле-
лась. И что же думаете? Помогло это? Ничего
подобного.

Правда, всю ячейку наизнанку вывернули,
секретарь сметли, стенги организовали, сель-
хозкружок завесили, а общещенность так и не
прониклись.

Попал я как-то к нем на вечер «смычки».
Подкрепился натурально, предварительно.
но ничего, не качаюсь — авторитет поддеркиваю.

Смотрю Маруська:

— Ну, как говорю, трепло таможне, пере-
стала задаваться?

— Пьяным завтра запрещается. Посторонитесь,
товарищи, — дверь перед носом захлопнулась.

Покачался я, покачался перед дверью, плю-
нул и пошел.

— Что-ж, думаю, не хотите общаться, так
и не надо.

Не заплачаем...

Обидно только — активистки, а чуждаются...

Не к лицу разгульное добро,
Не к лицу ей инянчиться с кучиной:
«Подавай, брохастай, серебро».

И купец ей кланялся с повинной.

III

Вот и вся ты — каторжная быль.
О тебе поет родному люду

Мой дедун, бродига и бобыль,

Бородач, гуляющий поясову.

Это он — каторжный кобзарь,
О родне кровной напевая,
Разбудил седую стару,

На груди иеласкового края.

Не бытать дремучей старине,
Не вернуть кандалного разбоя, —

Свежий дух гудянет по стране

И слути нам ухарство другое.

Михаил Скуратов

ЛИЧНОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ

Л. КОЛЕСНИКОВ, рисунки П. СТАРОНОСОВА

ПАРЕНЬ с кепкой набекрень, в пиджаке нараспашку, несмотря на яростный ветер — говорят, по сложу каждого сплошь склонившись.

1-й парень. В комсомоле мне теперь трудно терпеть... Тыфу! — ученица... Тыфу! Их не учат, не тренируют... Тыфу! Решение с девчонками было свободно, а теперь... Тыфу! Против ругательств, самых русских слов — поход... Тыфу! Надоело мне дисциплины...

Разговаривает с ним парень с головой до ног совершенных отличийного типа. Пальцами застегнуто на все пуговицы, трахушка крепко посажена на голову, говорит спокойно и ровно, словно обясняет какое-нибудь место учебника арифметики.

2-й парень. Нет, Вася, я за ругательства заступаться не буду. Конечно, в комсомоле скучаю. Но скучу ругательствами не прогонишь. По-моему, главная беда в том, что в комсомоле одной политики заложено не было. А мне эта политика уже в почтовых ящиках наложила: физике, химии, географии. Тогда уже дорогу в жизненное легкое будет себе пробить.

1-й парень. Тыфу! Из куяля в рогожку. Да разве геометрии скужу ульмешь! Геометрия, погна, еще скучней твоей политики. Вот поплачать, да вымыть, да с девчонками побаловать...

2-й парень. Да разве я говорю, чтобы с утра до ночи одной геометрией заниматься? Дела — предметы, потехи — чайки. Танцы, кино, вече-ринка времени от времени — не предвид. Только за пынство не я стою. С девчонками тоже осторожность нужна, а то как раз на алименты налетишь, одной тростью расплакешься. Главное — люди выйти, а не баловство заниматься.

1-й парень. По-твоему жить — чорт знает! Комсомол хуже горькой редкиси надел со своей дисциплиной, а ты тоже: где нельзя, а где нельзя. А по-моему — чего душа просит, то и можно.

2-й парень. Ну, дисциплина моя, Вася мешает. Вот давеча чуть было в секретарской яички не выбрали. Я уже за сотню перебрал, а там мне жалованья и шестидесяти рублей не пришло бы... Какой разрыв! Гражданской войны! Каждый должен стараться лучше жить. А то в быту забываю, засадения — так же есть отгрызки в трубу и пролетят. Дисциплину я тоже не очень уважаю.

1-й парень. Да... Вступал я в комсомол, калечился, что все будет по душе... А теперь... Тыфу!

**

ЗАЯВЛЕНИЕ В ЯЧЕЙКУ

Ерхинской фабрики
комсомола с 1923 г.,
Нина Яковлевая.

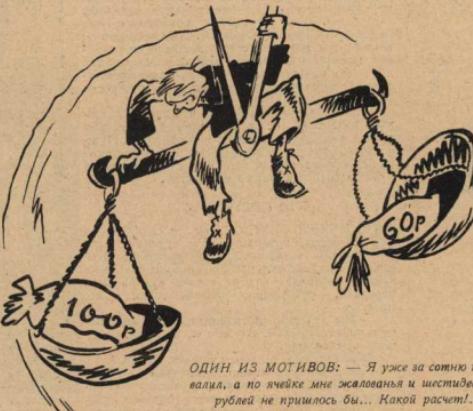
Потому, как я выпала замуж и скоро будущий ребенок, а также вообще хлопотно по хозяйствству в комсомоле только числиться не хочу, а прошу меня из членов комсомола выпустить. А также прошу не считать меня в юрисдикции Ерхинского клуба, потому что времени тоже нет.

Товарищ Нина Яковleva.

ЗАЯВЛЕНИЕ В ЯЧЕЙКУ

Огаревского ж.-д. депо
ученик Константина
Ионовича Петрова.

Как на 8-м году всемирной победы пролетариата в России, кроме, как во всех остальных странах, я убедился, что только комсомол есть великий защитник рабочей молодежи, желаю

ОДИН ИЗ МОТИВОВ: — Я уж за сотню перевали, а то яички мне жалованья и шестидесяти рублей не пришло бы... Какой расчет!..

вступить в его железные ряды, чтобы под красивым знаменем сражаться против всех гадов империализма. Как комсомол защищает рабочую молодежь и стоит на страже ее интересов, чтобы отогнать несправедливость. Многие у нас ученики из заслуженного времени и никто не хочет из вынужденных в высший разряд. Как я уже тоже три места, то и меня касается эта огромная несправедливость. Как я буду комсомольцем, желаю перейти в высший разряд.

К сему Константин Петров.

••• Есенин

НЕДАВНО умер, повесившись от тоски, Сергея Есенин, замечательнейший поэт нашего времени. Певец глубоких личных переживаний, он не нашел себе места в скрупулезной борьбе классов, которая подчас жестоко опирается эти личные переживания и устремления. У него не было материальной базы для существования — это все-таки повесился. В его стихах мы находим объяснение этого самоубийства. Есенин повесился потому, что в своем kraю он чувствовал себя иностранцем, потому что молодость прошла в кабашном чаду, а он в ней слишком мало требовал (т. е. жил впустую) и т. д. В конечном счете, и слова, и материалная обеспеченность не спасли глубоко чувствующего поэта от неизмеримой тяжести сознания, что он и одинок, что он не соучастник того общего великого дела, которое составляет ось нашего времени.

К чему мы остановились на этом отдаленном от рабочей молодежи примере?

Давайте же, что вопрос о сочетании личных и общественных интересов для каждого молодого рабочего может быть сведен к тому: хочет ли он являться одиночкой, занятым на скорую своих маленьких горестей и радостей, или полноцированным участником общей борьбы и общего строительства?

ЕСТЬ ЛИ НЕПРИМЫШЛЕННО?

НЕ ТАК страшна чорт, как его маинот. Если послушать такие разговоры, которые мы привели, то может показаться, что между личными интересами и запросами и велениями общества раздел лежит непропорционально пропасть. Но глядь в том, что личные интересы вовсе не одинаковы у всех молодых рабочих. Выше мы имели стилокование различного, распущенного, скатывающегося в болото шинши, парни с крахмалистыми, домовитыми, изрядно попахивающими собственным душком. Разница между ними разительная, несмотря на то, что комсомольская дисциплина и интересы организаций им одинаково не по вкусу. Но разве эти примеры исчерпывают всю портретную галерею комсомольцев? Конечно, нет.

Личные интересы молодежи могут и очень часто совпадают с действительными потребностями революции и с основным направлением работы комсомола. Взять хотя бы жалобы на то, что комсомол погряз в патролиграмме и мало отдает внимания общему образованию молодежи. Расходитя ли это с общественными интересами? Конечно, нет. Социалистическое строительство повеличивает трофеи вымощенных кирпичами знаниями, но и кирпичами и знаниями, которые можно приложить в той или иной области производства. Нам нужны грамотные люди, техники, инженеры, квалифицированные рабочие, исправленные сельские хозяева. Последний съезд партии и съезд комсомола достаточно отчетливо поставили ударение на общем образовании молодежи. Тут нет никакой опасности для плюхивания воспитания молодежи, ибо политические знания, выросшие на фундаменте общего культурного подъема, будут только прочнее.

А жалобы на скужу, на скучность различий?

Разве комсомол стремится вытравить из молодежи всее, жизненность? Это беда, которая возникла, вопреки желанию Есенина, что комсомол может быть молчаком, тоскующим, глупицем, идиотом. Молодежь, которая должна будет принять на руки старшего поколения революции боевое знамя, должна быть здравой каждой своей клеточкой. Она должна обладать огромной бодростью. Этого нельзя добиться, если мы не сумеем отвести различиям почетного места в нашей работе. Опять-таки и съезд партии и съезд комсомола рассеяли всякие сомнения по этому поводу.

Наконец, о материальном положении молодежи. Разве наше идеалом является равенство в пищете? Неравенство существует и сейчас в значительной мере, потому что иначе нельзя поднимать уровень отдельных прошлостей тружеников. Мы стоим за равенство в довольстве, а пока всячески стремимся шаг за шагом, чтобы не было равенства в пищете, чтобы не было различий в питании рабочих. Жить лучше — это вполне закономерное стремление, и политика Советской власти в конечном счете, направлена к тому, чтобы это закономерное стремление неуклонно удовлетворять.

Где можно найти такого Иванчука-дурака, который проповедует воздержание от хороших пищи, удобного жилья, опрятных костюмов?

Но, с другой стороны, у отдельных отщепенцев, а то и у более обширных групп молодежи, могут быть личные интересы, противоречащие всему укладу нового быта, всему перелету теперешнего строительства. С пынством очень многим пелегко рассстаться. Хулиганство для некоторых молодых рабочих является чем-то в роде любимого спорта. В борьбе против половины рабочего населения некоторые комсомольцы видят ничего неоправданных оковы, которые налагают на них организация. Все это тоже личные интересы, но уже совершенно иного пошиба. Им покровительствовать комсомол не может.

Не может комсомол и пытаться по течению тех интересов молодежи, которые содержат в себе здоровую струю, но очень легко могут замутиться и перейти в свою противоположность. Тут нужно соблюдать грань.

О ГРАНЯХ

ВОТ САМЫЙ злободневный вопрос: материальное улучшение быта. Комсомол борется против несправедливости, против разильствия. Комсомол должен добиваться вместе со всеми организациями пролетариата, чтобы рабочая молодежь имела возможность есть достаточно, жить в сносных условиях и т. д.

Вот это мне на-руку, — решает молодой рабочий, у которого где-то в тайниках души кошачатся черви собственничества. — В самом деле — главное жить получше. Так что мы боролись?

Только несколко недель тому назад мы читали в газетах о пытках комсомольцев в застенках Чжан-Цзо-Лина. Комсомольцы на Восточно-Китайской железной дороге постоянно находятся под угрозой дикого террора со стороны китайской полиции. Что получилось бы, если бы они думали только о сладком житье? Нет нужды приводить примеры из борьбы национальных товарищей. Там вступающие в комсомол уже никогда не вернутся выгода. Так комсомолец ежеминутно рискует не только свободой, но честью и жизнью без всякой личной корысти. Его личные интересы волнистятся для него в успехах пролетарской революции, в интересах рабочего класса в целом.

Таким образом, мы видим, что вопрос о личных интересах и их сочетании с интересами революции очень сложен и многогранен. Нужна очень большая осторожность, нужна постоянная самопроверка для того, чтобы не оступиться и не скатиться в болото мещанства.

КТО ПОСТРАДАЕТ?

НО, МОЖЕТ СТАТЬСЯ, что та самая Нина Яковлевна, которая решила ограничить домашним хозяйством свою жизнь, и Константин Петров, вступающий в комсомол ради высшего разряда, максимум только рукой: «Эха, неиздадь! — революция, рабочий класс и все проч.».

— Мы для себя жить хотим. Пусть революция пойдет прахом, но зато я, имя рек, буду жить привнесена.

Действительно ли они ушли все выгоды?

Только соследу можно напутствовать такую дикую мысль. Крах революции означал бы неизчислимые потери для всего рабочего класса, бедных похоронил бы те немногие численные личные успехи, которые одерживались от имени класса искатели личного счастья. Крах революции означал бы нищету всех рабочих на многие годы, разгул спиральных победителей в такой мере, что пострадали бы, наверняка, и те, кто сейчас так беззаботен. Выиграть они могли бы только в случае прямого представства и сабачьей службы у своих классовых врагов.

Конечно, перспектива разгрома революции ни в какой степени не стоит перед нами. Но она далека от нас, она невозможна исключительно потому, что рабочий класс достаточно сплочен и достаточно твердо осознает сущность своих классовых интересов.

* * *

ГРАНИ — одна сторона вопроса. Есть явления и устремления молодежи, которые мы осуждаем безоговорочно. Мы уже упоминали о пьянстве, о хулиганстве, о половом распущенности. Все это несомненно с дисциплинаризованным и сознательным участием в общественной работе. Но и здесь только при поверхности взгляде, взгляде с птичьего полета, можно счи-

Подписывайтесь на журнал
«КИМ»

ДВУХДЕЛЬНЫЙ ОРГАН ИСПОЛКОМА КОММЕНТЕРИЯ МОЛОДЕЖИ И ЦК ВЛКСМ

«КИМ» широко освещает международное общество-революционное и юношеское движение и служит основным пособием для работы по интернациональному воспитанию. Журнал дает испытывающие сведения о работе Коминтерна, «КИМ» и их секций.

«КИМ» РАССЫТАН НА ШИРОКИЕ СЛОИ КОМСОМОЛЬСКОГО АКТИВА

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1926 г.

На 1 месяц	— р. 60.
3 месяца	1 70
6 месяцев	3 20
1 год	6 —

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ:
Издательство «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
Новинская пл. 6/8

тать, что терпит ущерб подлинные, действительные интересы молодежи. Этого нет.

Молодежь во всех этих случаях просто не осознает этого личного вреда, который приносит эти позорные явления. А они разрушают здоровье, ведут молодежь к преступлениям. Охраняя интересы общественные, комсомол одновременно выступает защитником многих интересов молодежи, недооцениваемых ею самой.

* * *

НА ОТКРЫТИИ комсомольского съезда любящий поэт молодежи тов. А. Белынский прочел стихотворение: «Слово о тельчайшей отвивной».

Вот какой бодротью, каким упрямым не желанием снести борьбу к собственной счастливости звучат его строки:

Да, если воблу мы. Бифитники и компоты. Из воды были все. Но не Ко се тужить. Мы все хотели есть — и ели без заботы. Мы ели, чтобы жить, мы ели, чтобы жить, А жить, чтобы увидеть, как стали мы богаты. Хотя бы увидеть, как буйной волной. Тогда берут на съезд все же делегаты, Но корямыт в обед тельчайшей отвивной. Простились на всегда мы с воблой-головодой. Но не забыть, который мы проплыли Там, где вобла живет в верной винтовской. Мы вырвем у земли Грядущий день земли!

ЧТО ОКАЗЫВАЕТСЯ
СИЛЬНЕЕ?

Перед молодежью задача стоят ребром: дружней, упорней работать на благо революции, а интересы последней повелительны и непреклонны ведут к удовлетворению здравых и законных личных интересов молодежи.

«ПОТОМ КАК Я ВЫШЛА ЗАМУЖ и сково будем рабочек, а также вообще хлопоты по хозяйству, то прошу меня из комсомола выписать (Из заявления).»

Парень, который мечтает о повышении до старшего мастера, и только об этом, отбеляет свою судьбу от судьбы рабочего класса в целом: таким, как он, легко поддаются подкупам буржуазии.

Он успевает. В праздник вы можете его видеть чинно гуляющим в новехонском, с иголочки, костюме. В свободном время он посещает кино, а то и театр. Он довольно скромен и тих. Но, кроме этих черточек, у него есть и другие. В «Комсомольской Правде» помещалась целая груда писем, которых ребята подобного типа открылись от всякой общественной работы: на температуре, от всяких соревнований, мы, дескать, больше заботимся. В одной книжке «О быте» рассказывается, как комсомольцы отказываются от обучения пионицам:

— За это время, что с тобой, дураком, по-терялся — политики пытались помочь.

Грань потерпана. Законное стремление «жить лучше» превращается в погоню за «политиками». У Глеба Успенского в одном из его очерков описывается, как старушки завещают сыну: «В карман норови! Норови! Карман! «Норови! в кармане!» — это очень нехитрая линия поведения, но она николько не совпадает с интересами революции. Сила революции не в том, что рабочий класс заключен в политический сплав В. И. Ленина, а в единой воле миллионов. Возможна ли такая сильная воля, когда жажды устроиться самому получше заслонят все остальное? Парень, который сделал свою жизненную идеалом «политиками», уже мало беспокоится о судьбе всего рабочего класса и разрыве революции. Этот парень при малейшем затруднении может оказаться по ту сторону баррикады. — Недаром буржуазия старается подкупать за границей верхние слои рабочего класса, обставлять их пополне, разывать у них заботу о себе только, о своем доме. Одна головня и в печи не горят, а две и в поле не гаснут. Интересы буржуазии состоят в том, чтобы разделить рабочий класс на две части: рабочий класс, против себя раздробленное стадо лошадей, жаждущих личного благополучия. Интересы пролетариата состоят в том, чтобы крепко накрепко связать каждого рабочего со всей машиной его класса.

Недаром в Америке, например, усиленно вспили о том, что каждый рабочий может сделать для капитализма, если он будет бережлив, погодчен и т. д. рабочий, который мечтает о возведении до капиталиста или пусть даже до старшего мастера и только, отделься своим судьбой от судьбы рабочего класса в целом и не страшись буржуазии.

Нельзя забывать, что непреклонная материя — улучшение жизни рабочих — основная линия, главный путь. В отдельных случаях всегда могут быть загиги. В отдельных случаях интересы революции могут еще потребовать частных лишений ради общего дела. Самоожертование со стороны отдельного комсомольца может быть необходимо еще чаще.

РАБОЧИЙ ПОДРОСТОК

ВИЗОБРАЖЕНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Б. ВЛАДИМИРОВ

нет мысли о том, что не через «ребячье счастье» деревня, а через муки заводской жизни история наметила путь к освобождению эксплуатируемых.

Еще более неспокойными рисуются эти «устои» в рассказе Сергея Михалкова «Неправильное детство», где глазами младенца глядят вековая и упорная костьность деревни. Но годы, отделяющие Серафимовицу от Златогорского, не прошли бесследно. Тот самый город, от которого, по мнению старика, все злое—этот город влечет неодолимо его внука к неизвестной и притягивающей жизни. *«Смутное»*—такое сознание уже подсказывает, что разрешение больших вопросов не здесь среди полей и лесов, а там, среди копоти и дыма заводов и фабрик.

М. ГОРЬКИЙ**ДЕТСТВО**

 ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

базу на фабрику, который настал со следующим столом разбитых глинянок (в рассказе «Отцовский Сказ», Скотилья).

Вторая группа рассказов изображает жизнь подростков в полулучевые кругах. Это еще «Фабричные дети». Они же помоложе, родители на заработках (постройки и проч.), или служат на побегушках и подручными в ремесленных предприятиях.

Особенно показательна «История подростка» писателя из Сибири Юрия Глебова. Мальчик проходит долгий путь от наружной дороги, из сахарного завода, в шахтах и проч., а в промзонах—ищущество, скитания по добрым людям. Изнурительный труд по 18 часов в сутки и разрывавшая политика администрации приводят его к самостоятельному выводу, что «деду ничем не поможет, пока все не будут заодно». Такую же школу проходит и русский маленький Егор в рассказе Машинцева «К новой жизни»—так совпадают интернациональный жизненный опыт.

В таких основных чертах сохранила литература процесс медленного образования кадров рабочей молодежи.

Но чем ближе к нашему времени, тем прямолинейнее дальнейшее развитие и тем ближе к объективной правдоподобности литературные отражения его. Город и завод торжествуют свою победу, и налицо уже преобразование психологии подростка.

Вот ряд картин, говорящих об этом.

Павлушка, прибывши из деревни, в заводских стенах попадает в компанию уже обожженных китайскими рабочими ребят, от них чувствует страх перед трактором, и деньги для него почти сияют, но это быстро облагает им искушение «засработать на сибирь спирт жалованья» и, уличенный в воровстве, получает расчет от фабриканца, еще именему купцом (Потехин—«Павлушка»). Пращка в рассказе «Сибиряка» мучается ранними пробуждениями в холодах зимние утра под «волчью песню гудка», и гибнет, разомлевши от сна, обваренный паром—это жертва еще исприсконившейся психологии.

В «турюком воргании завода» новым привычкам слышится «сдерзанное глобное окрикание», и все внимание поглощают маховики и машинки, казающиеся «гигантскими телегами» (в рассказе «На заводе»—Короленко). Это—познавание окружающего, подавляющего при первой встрече.

Черные и жуткие шахты втягивают в свои сырье подземелья юных шахтеров, лишают их праздничной радости и заставляют опнуть прудрому сына при взрыве рудничного газа («Под прудром»—Серафимовича и «Заживо погребенный Калдерман»).

Соединяющая таинническая солидарность, страсть к учению и добродетель сочувствующего рабочего в рассказе Бинбиса—«В о ч р е д е к и т а»; новое восприятие завода, как организованного и плеядного мира в отрывке Сибирского—«На Б а л т и с к и й и»: «Вот где настает царство труда»,—«Сколько здесь жизни, думалось мне, сколько движения, сколько ума и знания».

Однако, «механический труд превращает рабочего в безкуризумную машину». И в рассказе Ло и до на—«Подросток Джон» его герой дарит «все одолевавшую» усталость, измученный до конца «вздохом» «жажды жизни». Бессознательный дух этого протеста выражается на лицах (в рассказе Семёнова—«Машинист вилютова») сбрасывать ремни со плеч, и это приводит к гибели одного из них; и дальше уже организованная забастовка машинчиков в рассказе Гастева—«Утренняя смена», вовлекающая в свое движение и взрослые массы. Это уже 1905 год. Здесь подростки действуют «открытым, прямым в глазах написанием» верой в новую жизнь, первый раз постигаемую светлым, как янтарь, детским умом».

Сознательное и активное участие в общезаводской забастовке («Старые и молодые»—Бинбис), первая массовая машина под казацкими племянами («Белые»—касачки) красные ресницы нападают на привратников» и выделение из молодежи рабочего агитатора в «Кре п и у н к и х к и л я я х я —Ля щ о».

И уже новое поколение молодежи отдает свою жизнь на баррикадах и фронтах революции: бьется на улицах Москвы Петровка—красногвардей в отрывке Яковлева и невероятные истиания переносит комсомольцы в борьбе с белыми в правдивом документе «Триполийской трагедии»—Фастовского. Такую вереницу образов, эпизодов и сцен раскрывают перед нами те немногиечисленные сравнительно странные страницы литературы рабочей молодежи.

М. ГОРЬКИЙ**В ЛЮДЯХ**

 ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Революция освободила в себе удивительный капиталистический дух эксплуатации. Новые кадры молодежи получили право быть «мастеровыми развертывающейся жизни» по определению Жарова. Нового парня влечет к тому, чего он особенно был лишен раньше—к учению... В далекой глупине тишине крестьянского парни в далекую

столицу—«игройкой бы затеряться в куче новых языческих богов»—и он находит дорогу туда, где «вздохом» пыльной выстrelid: «Рабфак» («На рабфак»). И новой, спланиной, шумливой и деятельной семье живет в комсомоле, в котором обрело свое подлинное выражение подлинное лицо рабочего подростка. Этому—лучший литературный образец «комсомолика», Белименикого.

(Окончание в следующем номере).

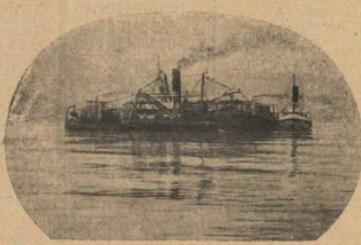
У Н Е Ф Т Я Н Ы Х

Н. ПОПОВ

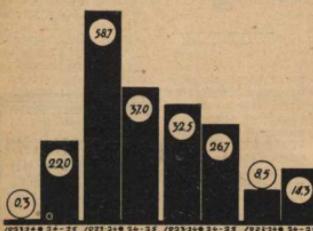

ФОНТАНИРУЮЩАЯ БУРОВАЯ СКВАЖИНА в Биби-Эйбатской бухте (август, 1924 г.). За последние пять лет фонтаны Азнефти дали около 111.000.000 тонн нефти.

КАК ЗАСЫПАЮТ МОРЕ В ЛОГОНЕ ЗА НЕФТЬЮ—
Здесь изображен отряд по засыпке, состоящий из вспомогательных барж для отвода земли, нефтянки и буксир. Землемечтатка набирает со дна моря грани, грунт его на баржу, и буксир отвозит ее к месту засыпки.

ЧЕРНОЙ кровью, жидким золотом называют люди нефть. Много у нее имен. Повсюду в мире, а не только в XX веке машинами. На земле, в воздухе, на воде и под водой стучит мотор. Машины пурпурные нефти, как кровь человеку, и сердце машины—мотор—перестает биться без бензина. Тракторы на полях, дизели на фабриках—все дышат нефтью. Несметное полчище автомобилей, аэропланов, теплоходов, подводных лодок затормозят свой ход, если в резервуарах не будет бензина и нефти. Тот, кто владеет нефтью, владеет всем миром. Так писалось в заграничных журналах после мировой войны. В поисках нефтяных земель заселились моряки и пограничники. Эвакуировались национальные пароходы. А оставшиеся английчики, и, танкеры французские, св. Вида и около нефти. Дразнит морских акул черная кровь СССР. Наша Нефть в Баку. Так в скрипичных бегов Ашпера, где вечно плачет зеленый Каспий, добывается три четверти русской нефти. В полуверстных глубинах, где вверху лишь ка-

ДОБЫЧА НЕФТИ ПО СПОСОБУ ЭКСПЛОАТАЦИИ—Эта диаграмма показывает, как улучшается техническое оборудование Азнефти: таранные эжекторы—мало производительный старый способ—начинает заменяться глубокими насосами—самым выигрышным способом добывания нефти.

мень, песок и колючка, налилась нефтью земля. Давно знали люди нефть, как целебное средство от всех болезней. Молились горящим нефтяным газам, и до сих пор стоят в Баку — храмы огнепоклонников «Бечевые огни». Прошло несколько веков. Вокруг храма идола нефти, в котором прошли десятки тысяч византий, и снова люди стали молиться нефти. В широке спасающий гонялся за нефтяными участками. Родились пачками «нефтяные короли»: Ноубель, Манташев и другие; имели их — капитал. Тянулись иностранные лапы к истоку черного золота, и добрая половина акций плывала по берегам Франции, Англии и Америки. Плавала русская нефть под дудочкой западных финансистов.

АЗНЕФТЬ

В 1918, 19 и 20 году нефтяными пожарами полыхала гражданская война в Закавказье. Были зеленые,

много было хозяев, как звезд в небе, а теперь один хозяин—Азнефть. В первые дни приезда таинственно и поблескив звучит слово—Азнефть. Всем владеть, все служить и все говорят об Азнефти. Я понял такую таинственность всесильного треста, как только вымызлся нефтью на промыслах и заводах.

Американизация промыслов давала чувствовать новую силу и экономическую мощь в социалистическом Стчине. Работы разных наций из 50-тысячной армии часто мне повторяли:

— Азнефть,—всему делу голова.

НА ПРОМЫСЛАХ

СУРАХАНЫ, Балаханы, Сабунчи, Рамана, Бий-Эбат вот главные истоки бакинской нефти. Тысячи черных вышек из промыслах какастроны издали обгоревшим лесом, забытым в этом лес, проспекты, улицы, переулки. Город на нефтяных вышках. На каменных забоях Бий-Эбат висят забытые надписи: Манташевская, Рогильевская улица. Родился в пустыне нефтяной трест, и король его крестили своим именем улицу, а рабочие перекрещивали. На одной из вышек окропил разашинство выведен: «Промысел имени Катагана».

Кругом нефть. Жарят солнце. Раскаленные камни через разные сандвиши обжигают ноги. Кажется, что прибывает солнце несколько градусов, и тогда вышки, земля, люди и синева, купающиеся в нефтяной луже—выспыхнут огромным заревом. На месте района, где добывается несколько миллионов пудов в месяц, останется обугленная яма.

БУРЕНЬЕ

СРЕДИ черных лоснящихся вышек, похожих на чищенные вакой сапоги, кое-где желеют лимонным цветом вновь отстроенные вышки. Эти вышки еще не окраиной фонтаном, здесь не было добычи, а только сверлит землю, что на техническом языке называется—бурение скважин. На вышке, под шум мотора и систер передаточных ремней, торзовозчик говорит мне:

— Работаем сделано. Круговые сутки в три смены. Это бурение американское, приспособленное инженером Капеллощиком для бакинской промышленности.

Кроме того есть ударное,—но его выводят, потому что хуже и дороже. Я вспомнил из какого-то отчета, что проходка одной скважины ударным бурением стоит 375 руб., а ударное—около 725 руб.

Там люди ворочают, а здесь мотор работает.

Его глаза устали на железный стержень, оббитый канатом, быстро крутился.

— Вниз долото из лучшей стали.

Я слушал объяснения и думал, что стержень, как шприц, проткнет земляную корку до крови.

РАБОЧИЙ ПОСЕЛОК в Рамана: чтобы улучшить жилищные условия рабочих, Азнефть построила несколько поселков, намереваясь со временем обеспечить всех рабочих удобными жилищем. Домики в поселке построены по всем требованиям пирами и снабжены водопроводом, электричеством и газовыми плитами.

турки и англичане. Бакинские рабочие с проклятием вспоминают тех, кто в степи расстрелял 26 коммунаров.

На кладбище вышек и разрушенных заводов вырос в 1922 году новый хозяин—Азнефть. 270 фирм заменили советский трест. На прошлом старый сторож, родившийся у вышек, мне говорил:

и брызгает из глубин косматой гривой фонтан черного золота. Усыпив в себя, в любую на работу блока, который беспрерывной лентой тянет из скважин стержень. Изредка бросая взгляд на черную доску, где мелом выведен «312 футов». Это глубина скважины. Подошли к нефтяному слою и, боясь его пройти, после каждого фута, берут пробу земли. Из послед-

деревянной кровати девушка бредила в лихорадке.

— Вот здесь и живем. Пять душ в одной комнаташке, как селедки в бочке. Ждем и не дождемся той минуты, когда переселиться будем в рабочих домиках. Скажи, кажется, среди почты, без оглядки убежим из этой ямы!

— Но Азнефть, ведь, предпринимает...

Барбоский не дал мне договорить и продолжал:

«Серебропольский на собрании обещал, что

через три года комура разберем этим камнем

выстремленное, а жить будем в рабочих

дворцах, а речь скажут в конце».

Прощайся, он горячо, с особой любовью говорил о начальниках Азнефти.

От «обабичных конур» я пошел в гору к вновь выстроенному рабочему поселку. В половине горы над промыслами прилепились рабочие дворцы.

«В море за нефтью, а в горы за здоровьем», — думал я, глядя на яркие отоны квартиры, я искал комсомольца, ярого защитника глубоких насосов. Комсомольца я не нашел, а нашел только его ночное пристанище,

— Разве он бывает дома акромя ночи?

Точно спрашивала меня, говорила мать.

— Он обещал сегодня прочитать мне письма товарищеских из Америки.

— Ини, свинчи в поле ветра, он не только письма, а зрату забывает,— коротко рубя фразы, поддержал отец.

— Ну, да посиди, может быть и придет.

Я уседался к открытыму окну. Люблюсь промыслами, утопившими в вечерних отонах, мы говорили о житье-бытие рабочей семьи. Хозяйки, ежеминутно выбегали на кухню, урывками бойко таратирали:

— Из ауди в рай попали. Мишами жили.—ни свету, ни воды. Не жилье было, а поросичье логово. Кругом нефть, дым, копоть. Ребятам рабуху наденешь чистую, а через час все уже в саже. Вспоминать об этом тошно.

На мой вопрос:—А как теперь живется?— Она схватила меня за руки и потащила на кухню, где я вместе с ней вертел разные крышки, начиная от газовой плиты и кончая механическими замками.

Пришли электричество, водопровод, прямо во сне не сплюсну, что так за jakiem. Только сильно завидуют оставшиеся, которые еще в сбачных конурах внизу живут. А их много, больше половины осталось.

Долго об этом говорили. С уходом газовой плиты, мы пригнали на Китай, с Китая на глубокие насосы, с насосов на Чемберлен, а дальше: Азнефть, комсомол, пионеры, нефтеперекопные заводы, построенные из горного серого камня. Зовут эту кучу заводов «Черным Городом». Вверху дым мазутных остатков, а внизу на земле нефтяная сажа, которая толстым слоем покрывает заводские элации и каменные заборы. Трудно дышать нефтью при 50 градусах жары, стараемся как можно меньше вбирать в себя нефть.

В нефтеперекопном заводе, как в животе у человека, прудились переплетаются кишками трубы, трубы, и трубы...

Комсомольяне я не дождался; тетя, провожая, посоветовал мне на завтра забежать на вышку, туда он захватил письма.

ЧЕРНЫЙ ГОРОД

Н ЕФТЬ сотнями тысяч пудов ежедневно переливается с промыслов на заводы по особым трубам. По этим венам нефть из развернутой на широком пространстве в главную артерию нефтеперекопной рекой гонит жестя в Черный Город. На несколько верст гнущется неуклонно нефтеперекопный заводы, построенные из горного серого камня. Зовут эту кучу заводов «Черным Городом».

Вверху дым мазутных остатков, а внизу на земле нефтяная сажа, которая толстым слоем покрывает заводские элации и каменные заборы. Трудно дышать нефтью при 50 градусах жары, стараемся как можно меньше вбирать в себя нефть.

В нефтеперекопном заводе, как в животе у человека, прудились переплетаются кишками трубы, трубы, и трубы...

Все они наполнены нефтью. Выходит нефть для аэропланов бензин, для лампы керосин, а для косметики вазелин. Получается из нефти с добавочной переработкой 70 разных продуктов.

Черные пароходы, что сотнями стоят у Бакинских берегов, ежедневно наполняют свои утробы нефтяными продуктами и везут в Астрахань, а оттуда в промышленные районы. Фабричной тоник, автомобиль, лампе—моргаски, всем нужны нефтяные продукты.

По керосинопроводу, в цистернах попадают нефти с берегом Черного моря. Из Батумского нефтяного города льется нефть на суда разными наливами.

Привозкая в морскую синь в Батуме, итальянский, груженный нефтью, пароход я лежу глины великому агитатору за Советскую Русь.

О БЫТИЕ

АНКЕТА «СМЕНЫ»

Снимок З. Чеботаева

РАБОТНИЦА КОМСОМОЛКА А. ТЕНЯЕВА.

20 типография «Красный Пролетарий».

Из отрицательных явлений в жизни молодежи я могу указать на то, что ребята очень безразлично относятся к комсомолу, —комсомольские собрания посещаются очень плохо, редко бывает больше 40—45%. Часто даже совсем срывают.

От политграмоты тоже удирают и больше интересуются игрой в духовом оркестре, чем полиграфией. Вышивка бывает в каждой по-лучку, а из развлечений большая мода на кино.

Ребята говорят, что кино дешевле и меньше вориши, чем с билетами в театр, когда надо записываться заранее и т. д. Очень распространены в последние времена вечорки, комсомольцы тоже их посещают.

Среди детей, по моему, слишком большое увлечение «культурничеством»: теперь если ходят в кружки, курсы, девчата фильтруют: я стрижусь, так это теперь у девчат не в моде. Они увлекаются прическиами и фильмоперсонажами чулками.

В клубе ребята часто хулиганят.

Борьба с этим явлениями, по моему, можно таким образом—нужно, чтобы актив в ячейке командовал, а воспитывал. Молодежь очень недовольна, когда активисты строят из себя наездчиков. Поэтому надо, чтобы каждый имел наружку и то место, чтобы вот, мол,—будешь представителем в ячейке. Молодежь отваживается.

Из этого надо, чтобы в самой комсомольской работе были не только собрания и политграмоты и развлечения. Вот, например, у нас был устроен вечер в типографии с танцами. Молодежь вся бросилась танцевать. Группа комсомольцев заранее подготовила интересные подвижные игры и устроила их на вечер в типографии танцев, и постепенно молодежь перетя-

нулась к нам.

О Т В Е ТЫ
НА ВОПРОСЫ

С ЭТОГО номера «СМЕНЫ» мы открываем на лето «Страницы вопросов и ответов». Что будет дано в этой странице?

Первое место мы отводим советам:

1. Куда и как летом ездить в экскурсии по Союзу нашей молодежи?

Лучшие места для дальних экскурсий, которые покажут молодежи то, чего она никогда не увидит в средней части Союза, это:

1) Крым (от Севастополя до Феодосии).

2) Кавказ (Военно-Грузинская, Военно-Осетинская дорога, Русские Субтропики—от Сухума до Батуми).

3) Поволжье (от Нижнего до Астрахани).

4) Урал (от Златоуста до Белорецкого завода).

5) Мурман (Ледовитый океан).

Об этих местах у нас будут особые статьи, в которых будет показано, что можно здесь увидеть и как туда проехать.

В этих экскурсиях может встретиться много такого, о чем вам хотелось бы узнать поподробнее (из жизни природы, из истории и быта народов этих краев).

На все эти вопросы будут даны ответы в том отделе страницы, который будет называться:

«Ответы экскурсанта»

Мы будем давать эти ответы не только тем, кто едет или съездил в дальнюю экскурсию, но и тем, кто будет экскурсироваться в природу и в средней части Союза. Много молодежи и летом будут проводить свободное время за книгой и журналом. Мы им будем давать ответы в третьем отделе страницы:

«По поводу прочитанного»

Все, что показалось кому-либо из читателей в статьях «СМЕНЫ» непонятным или требующим дополнений, все, о чем вы хотели бы узнать по поводу прочитанного вообще,—пишите, спрашивайте. Ответы будут даваться в ближайшем номере.

Один из читателей спрашивает (по поводу статьи т. Плавильщикова):

Вопрос 1. Нельзя ли путем операции изменить характер человека.

Можно, но не всегда и не всякий.

Если характер зависит, например, от состояния щитовидной железы (находится на шее) и надпочечников (другая железа, помещающаяся на почках), то в некоторых случаях его можно исправить операцией. При недостаточном развитии этих желез человек приобретает вялый и медлительный характер, он становится «уваленным», «лекебоком», ленивым. Иногда люди с большой щитовидной железой становятся прямо даже идиотами (кретинами). Тогда таким больным дают принимать щитовидную железу (например, коровы или овцы), или даже пересаживают им (от обезьяны) кусок железы — и в характере их наступает резкое изменение и улучшение.

Если же щитовидная железа слишком увеличена и работает слишком сильно, то от этого человек всегда излишне возбужден, и в результате может заболеть при таком состоянии щитовидной железы опасной «Базедовой болезнью». Это заболевание лечится удалением части щитовидной железы, и характер после операции опять меняется.

Дело изменения характера при помощи операции пока еще новое. Но нет сомнения — оно разовьется, и настанет время, когда такие операции будут совершаться так же, как теперь прививка оспы.

СОВЕТСКИЕ СПОРТСМЕНЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ

Б. ГРОМОВ

Наши сильнейшие конькобежцы Я. Мельников, П. Ипполитов и Кушин должны были принять участие в его розыгрыше.

Еще задолго до первенства, буржуазная печать, обсуждая вопрос, кто будет в этом году сильнейшим конькобежцем мира, уверенно заявила, что пальму первенства, как это ни ужасно, должна достаться СССР, в лице ее лучшего представителя конькового спорта—Мельникова. Надежды заграницы на прошлогоднего победителя первенства мира—финна Тунберга—сильно понизились после

Я. МЕЛЬНИКОВ, ФАКТИЧЕСКИЙ ЧЕМПИОН МИРА ПО КОНЬКАМ на 1926 год. На состязаниях в Осло (Норвегия) в этом году он показал результаты значительно лучшие, чем у победителя мирового первенства в Тронхеймее, норвежца Беланруд.

ФИНН ТУНБЕРГ, прошлогодний победитель мирового первенства по конькам, который не рещился выступить на состязаниях в Тронхейме, боясь невыгодного для себя сравнения с советскими конькобежцами.

СЛЕВА: ГОРНАЯ ДИСТАНЦИЯ гонки на 15 километров на Воробьевых горах во время состязаний с финнами. Победа в этой чрезвычайно трудной дистанции была взята нашим сильнейшим лыжебежцем Д. Васильевым.

КАК только спортивная работа в СССР начала давать известные результаты, достижения, как только из всей массы физкультурников стали выделяться высококвалифицированные спортсмены, сейчас же начались спортивные встречи с рабочими спорт-организациями заграницы.

Русский рабочий на спортивном поле крепил связи с зарубежным пролетарием. Поездки наших спортсменов имеют колossalное агитационное значение.

Каждый выезд наших спортсменов за границу создает целую шумиху на страницах прессы. Заграница с удивлением смотрит на молодую республику, в самый короткий срок выработавшую исключительно по достижениям спортсменов.

В тех странах, где рабочего спорта еще нет, мы встречались с национальными командами. Таковы встречи по футболу с Турцией и Швецией. Наши футбольисты выигрывали у шведов на глазах короля, вынужденного, по правилам международной вежливости, вставать с мячом кресла при публичном исполнении Интернационала, как государственного гимна СССР.

В нынешнюю зиму наши физкультурники несколько раз побывали за рубежом и, кроме того, к нам, в СССР, приезжали сильнейшие лыжники и конькобежцы финского рабочего спортивного союза.

Вот на этих встречах, на впечатлениях участников заграничных поездок, мы остановимся подробнее.

В нынешнем году в Норвегии г. Тронхейме состоялся розыгрыш первенства мира по конькам.

его скандального туризма по Америке, где финн проигрывал заурядным конькобежцам.

Поэтому понятно, с каким интересом и нетерпением ждали русских. Об этом говорит хотя бы такой факт. На следующий день приезд конькобежцев в г. Осло лишь в один день было продано билетов на сумму 28.000 рублей.

Публики сехалось огромное количество. Удостоили своим приездом даже «янки».

Все гостиницы, номера и частные квартиры г. Тронхейма оказались переполненными.

Тогда предпримчивые норвежцы заставили рейд океанскими пароходами, а железнодорожные пути—составами поездов, где за хорошую уплату желавшим представлялся прият в каютах и тюмах. К сожалению, нашим конькобежцам выступить не пришло. В этот день розыгрыша первенства мира в Осло рабочий союз проводил большое международное состязание по конькам. Конечно, наши конькобежцы не могли преобречь желания норвежских рабочих видеть представителей СССР на своем катке.

Интерес к первенству был сильно повышен, как только стало известным, что русские не участвуют. Корреспонденты буржуазных газет пытались объяснить это трусостью советских спортсме-

ЯН СЛАРРЕ—ЧЕМПИОН СССР по поднятию тяжестей. Он поставил несколько мировых достижений.

нов, но факты показали, что «трусы» было нечего.

Итак первенство мира разыгрывалось в Тронхейме, наши выступали в Осло.

Два состязания, в один и те же дни на одни и те же дистанции параллельно проводились в двух городах. На обоих катках публика через громкоговорители

извещалась о результатах состязания первого первенства.

И вот, здесь-то четкий, сухой голос радио извещал буржуазную публику о мировых успехах Мельникова, с каждой дистанцией побивавшего буржуазных спортсменов. Сравнения достижений Мельникова и победителя первенства мира норвежца Белангруд—были далеко не в пользу последнего:

Можно с уверенностью сказать, что если бы Мельников участвовал в первенстве—то выиграл бы звания лучшего конькобежца мира—бесспорен.

После первенства Мельников сделал вывод Белангруду, но тот поспешно отказался, мотивируя тем, что утомлен.

Вот второй пример.

Футбольная команда Москвы, состоящая далеко не из сильнейших игроков, выезжала в глубокую осень в Париж. Казалось бы, все шансы на стороне французов. В то время, как у нас на футбольных полях лежало по 2 аршина снега, что лишало возможности тренироваться—в Франции футбольный сезон был в самом разгаре. Наши игроки ехали далеко уверенные в победе. В Париже лениво «остукали» несколько раз по воротам и вышли на первый самый ответственный матч. Но советским футболистам была устроена такая теплая, такая торжественная встреча, участие в которой принимала вся публика, наводнившая трибуны, что моментально поднялась настроение. Нации (повторяю далеко не лучшие) футболисты, не тренированные, с дороги, и то сумели поразить парижан коллективностью, сыгранностью команды и разнообразием комбинаций. Под шумные овации публики, запевшей «Интернационал», наша команда ушла с поля победительницей.

Советские боксеры и тяжелые атлеты впервые показались за границей, выехав в Латвию. Их поездка была сплошным триумфом.

Желтые вожди социал-демократического Лицернского спортивного объединения не допустили СССР участвовать во всемирной рабочей Олимпиаде во Франкфурте на-Майне.

Но зато в Латвии нашим боксерам, борцам и атлетам удалось встретиться с победителями этой Олимпиады.

И что же?

Всюду и везде мы оказывались победителями.

Гиревики Ян Спарре и Бухарон разделили достижениями, вполне подводящими к мировым (даже буржуазным) рекордам. Борец Иванов выиграл шутя, и за всю поездку не нашел себе ни одного более или менее серьезного конкурента.

Труднее дело обстояло с нашими пловцами. Они выезжали в Берлин по приглашению рабочего плавательного клуба «Форвертс».

В плавании у немцев были все шансы выиграть. В Германии плавание практикуется уже более 40 лет, в то время как у нас правильная работа ведется всего лишь 4 года. В одном Берлине более 25-ти больших, вместительных зимних бассейнов для плавания, где постоянно держится температура воды в 20°, и кроме того, целый ряд более мелких. В Берлине более 200.000 пловцов, тренирующихся круглый год. Школьнику не дадут свидетельства об окончании средней школы, если он не сдаст зачеты по плаванию и спасению утопающих.

У нас же в центре, в Москве—нет ни одного бассейна, разве исключая Сандуновских бани, не пригодных не только для массовой работы, в которой давно назрела самая необходимая потребность, но и для тренировки отдельного пловца.

И все же, несмотря на самые неблагоприятные условия, наши пловцы вышли из состязания с честью.

Ленинградец Смирнов дважды (это говорит за то, что выигрыш был не случайным) выиграл 100 метр. на боку.

Наша команда в водное поло упорно проводила все матчи и если проигрывала, то с разницей в 1—3 гола. Что это по сравнению с поражением французов во Франкфурте, когда они проиграли немцам со счетом 11:1?

Наконец, впервые за все время существования лыжного спорта в СССР, к нам приехали на всесоюзное первенство сильнейшие лыжники Финляндии.

во главе с чемпионом мира, крестьянином-кустарем Юсси Нииска.

Финны поразили нас своей техникой, а мы смогли выиграть лишь одну, но зато самую трудную и ответственную гонку, требующую колоссальной выносливости и тренировки, гонку на 60 км.

Сейчас едва наступает весна, а уже Высший Совет Физической Культуры зашел письмами, телеграммами, требующими советских спортсменов, всех специальностей за границу.

Предстоящий спортивный сезон будет, по всем данным, колossalно интересным, ибо заграница уже оценила наши успехи и достижения.

В ВЕРХУ: ЛУЧШИЙ БОКСЕР СССР — К. ГРАДОПОЛОВ, лёгкий, который во время поездки в Латвию легко справлялся с противниками более тяжелого веса.

В НИЗУ: ФИНСКИЕ ЛЫЖНИКИ В МОСКВЕ — Старт гонки на 30 километров.

